

АНДРЕЙ СТОЕВ

ЗА ПОСЛЕДНИМ ПОРОГОМ

НИЖНИЙ МИР

Литрес

Андрей Стоев
За последним
порогом. Нижний мир
Серия «За последним порогом», книга 4

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70199002

Аннотация

Новый мир Кеннера Арди очень похож на старый, и кажется, что отличие лишь в том, что он пошёл по немного отличающемуся пути. Однако чем дальше, тем становится яснее, что сходство только внешнее, и за привычным фасадом прячется совершенно чуждый мир, в котором может и не оказаться места для человека.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	20
Глава 3	37
Глава 4	61
Глава 5	76
Глава 6	94
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Андрей Стоев

За последним порогом. Нижний мир

Глава 1

Дом, милый дом! Ленка выскочила из машины и немедленно умчалась в дом, великодушно предоставив мне привилегию разобраться с багажом. Легко было догадаться, что в большую ванную на втором этаже мне попасть не светит, и придётся довольствоваться маленькой душевой на первом. С двумя женщинами в доме это вечная проблема – я, наверное, так никогда и не смогу понять, что они там отмывают часами. Впрочем, уже совсем скоро мы переедем в поместье, и мои многолетние мучения наконец закончатся.

– Сегодня никуда больше не едем, Демид, а завтра с утра я тебя жду, – сказал я водителю. – Помоги мне затащить чемоданы в прихожую, и можешь отдыхать.

В доме было тихо, и лишь из-за прикрытой двери гостиной пробивался луч света. Я заглянул туда – мама сидела с чашкой чая, углубившись в какую-то толстую книгу. Я подошёл и клюнул её в щёку.

– Кеннер, – мама с улыбкой подняла глаза. – Ну нако-

нец-то вы вернулись. А где Леночка?

– В самом деле, наконец-то, – улыбнулся я в ответ. – А Лена, полагаю, уже заняла ванную. Я сейчас тоже приведу себя в порядок и присоединюсь к тебе. Распорядись пока насчёт этого, пожалуйста. – Я поставил на стол берестяной туесок с крупной клубникой.

– Откуда в такое время клубника? – удивилась мама.

– Из баронства, откуда же ещё? Всё расскажу, как приду. Дверь в ванную была, конечно же, заперта. Я привычно вздохнул и поплёлся в душевую.

Когда я снова спустился в гостиную, клубника уже была выложена в вазочку.

– Ты знаешь, Кени, – с удивлением сказала мама, – я никогда бы не поверила, что клубника из теплицы может быть такой вкусной.

– И правильно бы сделала, что не поверила, – отозвался я. – Потому что тепличная невкусная, а это не тепличная.

Мама вопросительно подняла бровь.

– У меня в баронстве, как оказалось, есть анклав лесных, – пояснил я.

– Ах, вот как, – понимающе кивнула мама. – Даже не знаю, хорошо это или плохо.

– Вот и я пока не решил, как к этому относиться, – вздохнул я. – Буду их как-то использовать. Для начала думаю фруктовую лавку открыть на Торгу.

– Зачем тебе это? – изумилась мама.

– Да вот как-то так получилось, что я внезапно оказался за этих лесных в ответе. Впрочем, я надеюсь на них заработать неплохо, так что жаловаться не буду.

– Ты всерьёз рассчитываешь неплохо заработать на фруктовой лавке? – с ясно выраженным скепсисом спросила мама.

– Рассчитываю. Вот давай прикинем. Например, большую гривну¹ клубники я собираюсь продавать как раз за гривну.

– Ничего себе! И ты считаешь, что кто-то будет покупать по такой цене? Хотя... – задумалась она. – Знаешь, а пожалуй, будут. Да я и сама буду покупать. Если будет свежая, как вот эта.

– Будет свежая, это же рядом. Утром будут собирать, а к обеду она уже будет в лавке. Круглый год. И конкурентов не будет – других лесных рядом нет, а от Рифейских² гор не довезти. Разве что дирижаблями, но если каждый день гонять дирижабли за восемьсот вёрст³, то такая клубника и князю не по карману будет.

– А у лесных ты за сколько договорился покупать?

– Именно клубнику договорились по три пфеннига за фунт⁴. Но там не только клубника, они много чего выращи-

¹ Большая гривна – мера веса, примерно 400 грамм. Не путать с денежной единицей.

² Рифейские горы – Урал.

³ Старая верста (до XVIII века) составляла чуть больше двух километров.

⁴ Имперский фунт составляет примерно 450 грамм, а имперский пфенниг – примерно 1/16 гривен.

вают.

– Это что получается? – мама наморщила нос, пытаясь сосчитать. – Ты будешь продавать в четыре раза дороже?

– В шесть. А расходы там совсем небольшие. Главное, нормального управляющего найти. Ему и думать не надо, надо просто аккуратно выполнять что положено. В общем, не смотри, что это будет всего лишь фруктовая лавка, прибыль она даст очень серьёзную. Пожалуй, сравнимую с небольшим заводом.

– Да, похоже на то, – согласилась мама. – Вот только ты забыл один важный момент – Дворянскому Совету это очень не понравится. Мы дворяне, а не купцы. «Древо Чести Благородной» вроде наизусть учил... какая тебе лавка, Кени?

– Так лавку не я буду держать, а баронство Раппин, – пожал я плечами. – А имперскому барону наше «Древо» не указ. Наша семья будет всего лишь оказывать протекцию иностранному торговцу. Всё будет по закону, мама, никаких мутных схем. Прибыль и в самом деле будет в Раппин уходить.

Мама только покрутила головой, то ли в восхищении, то ли в осуждении.

– И в кого только ты такой ловкий уродился? Мне бы всё это и в голову не пришло, а Борис вообще свои пальцы не мог пересчитать не сбившись.

В кого, в кого. Покрутилась бы ты пропеллером в наших девяностых, тоже научилась бы пальцы пересчитывать, и не

только пальцы.

– Что за глупости, мама? – уклончиво ответил я вопросом на вопрос. – Вот ты мне и скажи, в кого я такой уродился.

– Да что тут думать, – грустно сказала мать, – в Ольгу, конечно. Ты точно её внук – она, наверное, сейчас локти кусает, что от тебя отказалась. Хотя, скорее всего, это всё гены бабушки – вот она-то точно была не промах. У нас, в общем-то, все хваткие, одна я урод в семье.

– Скажешь тоже, урод, – фыркнул я. – А прабабушка может и не промах была, но Мартин-то её обобрал.

– Да, кстати, – оживилась мама, – совсем забыла тебе сказать: неделю назад Мартин перевёл мне все бабушкины деньги. Твоя работа?

– Ну да, – кивнул я, – передавал я ему такое пожелание.

– Пожелание, – усмехнулась мама, – могу себе представить это пожелание. А ещё он в качестве извинения передал в подарок довольно страшненькую вазу, даже не знаю, что с ней делать. Выкинуть, что ли? Вон она в углу стоит.

В углу действительно стояла светло-коричневая керамическая ваза с простеньким цветочным узором.

– Ты её, конечно, можешь и выкинуть, дело твоё, – сказал я, рассмотрев вазу как следует. – Но я бы посоветовал её продать, если уж она тебе не нравится. Ваза из Срединной империи династии Тан⁵, и к тому же прекрасно сохранилась

⁵ Срединной империей в древности назывался Китай. Кеннер использует это название, потому что название «Китай» в том мире неизвестно (к нам оно при-

за две тысячи лет. Не удивлюсь, если она стоит больше, чем все прабабушкины деньги.

– Ты меня временами просто поражаешь, Кени, – покачала головой мама. – Откуда у тебя такие познания? Я даже не слышала про такую империю, а ты там и династии знаешь.

Для Штирлица облажаться – дело настолько обычное, что все давно уже привыкли к его парашюту и будёновке. К счастью, папаша Мюллер тоже остался в том мире, так что никто не торопится разоблачать бестолкового попаданца. Никто не задаёт каверзный вопрос с хитрым ленинским прищуром: «А не пришелец ли ты из параллельного мира, мил-человек?» Это в том мире чуть что, так сразу и спросят, уж там-то все начитанные.

– Мама, ты мне вот что ответь, – перевёл я разговор на другое. – Я когда с князем договаривался насчёт поездки, то вытащил из него разрешение забрать одну целительницу по твоему выбору. Ты забрала?

– Нет пока, – смутилась мама. – Присматриваюсь ещё, договариваю. Это же не так просто – у кого специализация не та, а кто-то переходить не хочет.

– Ты лучше не тни с этим, а то князь своему слову хозяин – как дал, так и обратно возьмёт.

– Думаешь? – с сомнением посмотрела на меня мама.

– Удивлюсь, если не попытается. И у него наверняка получится – князь у нас ловок, куда там нам с Ольгой вместе

взятым. Вдруг окажется, например, что к тебе идти никто не хочет, а кто мог бы захотеть, те куда-то срочно уехали. А князь руками разведёт – мол, извини, я бы с радостью, но никто к тебе не идёт, что тут поделаешь. Так что не тяни с этим.

Мама задумалась – такой вариант она явно не рассматривала. Всё же мама у нас и в самом деле не от мира сего – да взять хотя бы моих бабуль Стефу с Ольгой, они бы мгновенно просчитали все варианты.

* * *

Повинуясь жесту караульного, машина остановилась, и я опустил стекло, чтобы стражник мог осмотреть салон. Вообще-то стража прекрасно знала мою машину, но я распорядился ни для кого не делать исключений и досматривать в установленном порядке абсолютно весь транспорт. Мне не сложно остановиться у заставы, зато если уж начальник подчиняется общим правилам, то ни у кого из подчинённых и мысли не возникает потребовать к себе особого отношения.

Один из стражников заглянул в открытое окошко, и поздоровавшись со мной, быстро осмотрел салон. Я уже собрался было приказать ехать дальше, как мой взгляд упал на сломанный шлагбаум.

– Что у вас такое со шлагбаумом? – с удивлением спросил я. – Почему сломан?

– Мокшев ночью побуянил, – с ухмылкой ответил боец.

После того как нам в виде наследства досталась собственность Миши Тверского на Рябиновой, мы начали постепенно скупать участки в Масляном конце. Когда больше половины участков района оказались в собственности семьи и наших служащих, мы зарегистрировали семейство Арди в качестве ключевого собственника района и заменили городскую стражу своей. Примерно дюжина мутных компаний, имевших резиденции в Масляном, немедленно изъявили желание продать свои участки нам. Мотив был вполне понятен – разного рода сомнительная коммерция требует тишины и приватности, а мы полностью закрыли район, и посторонние могли попасть сюда только по приглашению в сопровождении патруля стражи. Продолжать свою непростую деятельность под внимательным взором семейства Арди они сочли не вполне для себя удобным.

Правда, те, кто свои участки продал, вскоре о своей поспешности пожалели – цена недвижимости в Масляном конце взлетела до небес. Теперь это был не просто дорогой район, а очень дорогой, и вслед за нашими сотрудниками сюда понемногу начали переезжать очень богатые семьи, постепенно вытесняя просто богатых. Возможно, сыграл свою роль возросший авторитет нашего семейства, но скорее всего, объяснение было гораздо проще. Жители Масляного конца быстро оценили тот факт, что в районе полностью отсутствует преступность, и нет ни малейшей необходимости за-

пирать двери или беспокоиться о гуляющих на улице детях.

Но как это всегда и бывает, не все обрадовались изменениям. Наиболее ярким представителем оппозиции стал Федот Мокшев, купец второго разряда, имевший небольшой особнячок на Малой Фонарной. Был он дельцом не из богатых, и характер имел невероятно склочный – возможно, потому и был не из богатых. Мокшев был ярким образчиком тех странных людей, которые всегда готовы скандалить с кем угодно из-за чего угодно, при этом легко ссорясь даже с теми, с кем им ссориться совсем бы не стоило.

– Что там с ним опять? – устало спросил я.

– Вернулся ночью сильно пьяный, – начал докладывать боец. – Отказался показывать салон, начал кричать всякую чушь, что он на всех управу найдёт и семейство Арди кое-где видел, извините, господин. А когда ему сказали, что всё равно не позволим ему пьяным по району ездить, и ему придётся до завтра самобег здесь оставить, он взбесился и шлагбаум протаранил.

– Ай, какой вспыльчивый, прямо порох, – покачал я головой. – И что дальше?

– Дальше бойцы начали по колёсам стрелять. Самобег изрешетили знатно, но самого Мокшева не задела. Он из самобега вывалился с мокрыми штанами, сразу протрезвел. Ну парни его до дома довели, и самобег туда оттащили. Сказал, что судиться будет.

– Ну пусть судится, – вздохнул я. – Поехали, Демид.

На Рябиновой, двенадцать уже ничто не напоминало о бывшей базе группировки Миши Тверского – разве что красивая кованая изгородь, немного похожая на ограду Летнего сада, которую я приказал восстановить, дополнив гербами семейства. Само строение, изрядно повреждённое обстрелом, было снесено, а на его месте появилось огромное четырёхэтажное здание в стиле Растрелли, занимающее большую часть немаленького участка, к тому же изрядно нами расширенного. В своё время мне показалось ужасно забавным сочетание елизаветинского барокко с подземной парковкой, но местные вполне ожидаемо не видели в этом совершенно ничего особенного.

Я шёл по коридору, кивая в ответ на поклоны сотрудников. Меня встречали радостными улыбками – интересно, это в самом деле мне так рады, или в моё отсутствие Зайка настолько всех затерроризировала, что народ счастлив даже возвращению начальника? Я так и не пришёл к определённому выводу пока добирался до кабинета Зайки.

– Здравствуй, Ната, – кивнул я вскочившей секретарше Зайки, – Сиди, сиди. Госпожа Кира у себя?

– Да, господин, – поклонилась та.

Зайка, хмурясь, подняла глаза на звук открывшейся двери, и узнав меня, заулыбалась с такой искренней радостью, что я, старый циник, даже немного смутился.

– Здравствуйте, господин! Рада, что вы, наконец, вернулись.

– Здравствуй, Кира, – улыбнулся я в ответ, – я тоже рад тебя видеть. Как вы тут без меня?

– Всё нормально, – пожалала она плечами. – Обычные рабочие проблемы. Вот только Буткус должен подписать кое-какие бумаги, а он уже вторую неделю куда-то пропал. Его служащие ничего не знают. Но с ним дело пока терпит.

– Да, Буткус, – засмеялся я. – Думаю, ему пока не до бумаг. Полагаю, он сейчас очень занят в Ливонии.

Зайка вопросительно подняла бровь.

– Он, как оказалось, управляет деньгами Ливонского ордена, – пояснил я. – А насчёт того дела он им рассказал историю, что мы на него напали, и в общем, ограбили его, то есть орден, на три миллиона гривен. А потом в Ливонии вдруг появился я и изложил немного отличающуюся версию.

До Зайки несколько мгновений не могло дойти, а потом она заразительно захохотала.

– Думаю, они его там зареют наконец, – сквозь смех проговорила она.

Зайка вообще плохо относилась к любому жулью, а Буткуса, который с невероятной наглостью попытался нас ограбить, она просто тихо ненавидела.

– Нет-нет, Кира, даже не надейся, – засмеялся я в ответ. – Буткус никуда от тебя не денется. Наш проверенный партнёр Айдаш из тех, которое не тонет. Он восстанет, как птица Феникс, так что жди, скоро он снова появится.

Она перестала смеяться и с изумлением на меня воззри-

лась.

– Как такое может быть? – недоверчиво спросила она. – Как можно так провороваться и остаться безнаказанным?

– Ты судишь по первому впечатлению и не пытаешься задуматься над несоответствиями. Оттого и приходишь к неправильным выводам. Вспомни, что все его диверсии выполнялись на очень высоком уровне. Откуда у обычного дельца могли взяться такие специалисты?

– Орден? – задумалась Зайка.

– Конечно, орден, – подтвердил я. – Мне ещё тогда показался странным слишком профессиональный уровень диверсий, а когда выяснилось, что Буткус работает на орден, то никаких сомнений не осталось. Диверсии проводили люди ордена, и вряд ли они Буткусу подчинялись. Самое большое – согласовывали с ним свои операции. Стало быть, Буткусу нельзя вменить в вину, что он нарвался на виру. Это вина людей ордена, которые ничего толком не выяснили про новых владельцев завода.

– Хорошо, пусть так, – согласилась Зайка. – А что насчёт лишних двух миллионов?

– Буткус, конечно, жадный, но прежде всего он умный. Потому что просто жадный никогда бы не смог достичь того, чего он достиг, жадного давно бы уже похоронили. А это значит, что никаких двух миллионов он не крал. Возможно, он и взял себе немного больше, чем положено, но бóльшая часть этих денег ушла совсем другим людям. Магистру, бра-

ту-казначею, ещё кому-нибудь.

– Магистру-то это зачем?

– Например, затем, что деньги ордена и деньги магистра ордена – это совсем разные деньги. Ну я не знаю, конечно, кому именно эти деньги ушли. Но точно не Буткусу.

Зайка надолго задумалась.

– Хорошо, пусть так, – наконец сказала она, неохотно расставаясь с мыслью о прощании с Буткусом. – Тогда зачем ему ехать в Ливонию, если он ни в чём не виноват?

– Потому что сейчас в ордене решается очень важный вопрос – кому в этой истории предстоит быть козлом отпущения. И если бы Буткус остался сидеть здесь, то он бы и стал этим козлом. Так что у него сейчас хлопотные деньки. Но я в него верю, он сумеет отвертеться.

У Зайки на мордашке отразилось отчаяние.

– Ты лучше сразу привыкай к мысли, что друг Айда с нами надолго, – добил я её. – Чтобы потом это не оказалось для тебя ударом.

Зайка изобразила полностью порушенную жизнь и готовность немедленно с ней покончить.

– Кира, не переигрывай, – засмеялся я. – Я же знаю, что ты с большим удовольствием выкручиваешь Буткусу руки, и он от тебя уже шарахается.

– Шарахается он, – проворчала она улыбнувшись.

– Ладно, – продолжал я, – давай лучше решим, что нам делать с Мокшевым. Слышала уже про его последнюю вы-

ходку?

– Слышала, – кивнула Зайка.

– Мне он что-то уже окончательно надоел. Вчера он на заставе пьяный дебош устроил, завтра он на улице палить начнёт или ещё чего-нибудь придумает. Надо от него избавляться, нам такие люди в нашем районе не нужны. А то глядя на него, и другие ведь решат, что им тоже можно. Надо вообще всех буйных понемногу выселять, у нас тут тихий район для приличных людей.

– Хорошо бы, – со вздохом сказала Зайка. – Но как его выселить? Мы не можем у него собственность отобрать. И даже принудительно выкупить не можем.

– Ты недооцениваешь наши возможности, – отозвался я. – Его особняк мы отобрать не можем, зато можем очень сильно осложнить ему жизнь. В общем, делаем так: передвигаться по району Мокшев может только в сопровождении патруля стражи, и только между заставой и домом. Слуг к нему не пропускать, пусть убирает и готовит сам. Его гостям посещать район запрещено, встречаться с ними он может только на заставе. Да, и передвигаться на машине по району он тоже не вправе, пусть оставляет её на заставе.

– И как всё это сочетается с законом? – с сомнением посмотрела на меня Зайка.

– Не особо сочетается, – признал я. – Можно даже сказать, что совсем не сочетается.

– Стало быть, он подаст в суд и выиграет.

– Выиграет, – согласился я, – но для этого надо дожидаться решения суда. Ходатайства, контрходатайства, опросы свидетелей, назначение дополнительных экспертиз, возвращение дела на новое рассмотрение в связи с вновь открывшимися обстоятельствами... Словом, я буду очень удивлён, если почтенный Томил не сможет затянуть рассмотрение хотя бы на годик. А потом у него произойдёт авария водопровода, которую будут чинить очень долго. Года три. А потом начнутся проблемы с электричеством. Мы не можем его выселить, но мы вполне можем сделать его жизнь невыносимой.

Зайка молчала с оттенком неодобрения. В общем-то, ожидаемо – с её законопослушностью довольно трудно принять подобные полубандитские методы.

– Кира, дело тут даже не в том, что он нам уже три года портит кровь, – попробовал объяснить я. – Дело в том, что рано или поздно это обязательно закончится чем-то серьёзным. Например, из-за его привычки гонять пьяным, а ведь у нас постоянно дети на проезжей части. Да, мы тогда из него чучело набьём, но кому от этого станет легче? В общем, пускай продаёт дом и съезжает туда, где ему будет комфортно жить. С ценами на недвижимость в Масляном он купит себе дом ещё лучше, и в любом районе.

– Мне не очень это нравится, но я согласна, что нам ничего другого не остаётся, – неохотно согласилась Зайка. – Я поговорю на эту тему с Бодровым, пусть сразу готовится к судам. Заодно и другим будет наука, а то некоторые ещё не

до конца поняли, что это наш район и в нём нужно подчиняться нашим правилам.

– Ну раз ты согласна, то на том и порешим, – подытожил я.

Глава 2

– Кого я вижу! – воскликнул Генрих Менски с широкой ухмылкой. – Да это же семья Арди! Как отдохнули?

– Не очень, наставник, – отозвался я.

– А что же так? – поднял бровь Генрих.

– Нам не хватало ваших уроков, наставник.

Генрих заржал.

– Прогиб засчитан, Арди, – проговорил он сквозь смех, – но не надейся, что это поможет тебе на экзамене.

– Я серьёзно, – пожал я плечами. – С теорией у нас проблем не было, а вот для боевой практики нужен полигон и наставник.

– Ну, пожалуй, – согласился Генрих. – И как ты считаешь – сможете вы догнать группу до экзамена?

– Думаю, сможем, – уверенно сказал я. – Мы всё-таки не бездельничали, отрабатывали что могли.

– Ну-ну, посмотрим, – хмыкнул Менски. – Мы сейчас занимаемся тепловым блокиратором, вы его отрабатывали?

– Да, но только в обычных условиях. В Италии в это время даже зимой тепло. Да и в Ливонии было уже не холодно.

– Тепловой блокиратор – это очень простая вещь, – назидательно сказал Менски. – Но студенты часто не понимают, что сложность не в самом блокираторе, а в его моментальной и точной подстройке на нужную температуру. Не было

ещё ни одного года, чтобы хотя бы одна идиотка не получила обморожение при проходе сквозь огонь. Неожиданно попадают в струю пламени, и в панике охлаждают себя чуть ли не до температуры жидкого азота. Ну а если вы отрабатывали блокиратор исключительно в комфортном диапазоне температур, то можно сказать, что и вовсе его не отрабатывали.

Я грустно покивал. А что тут скажешь?

– Но это решается, – продолжал Генрих. – Боль, как известно, лучший учитель – главное, чтобы боли было достаточно. Я прослежу за этим, Арди, можешь на меня положиться. Ну ладно, поболтали и хватит. Начинаем занятие. Как обычно, немного подерёмся для разминки. Разбиваемся по парам. Селькова с Беркиной – давайте, девочки, выясним, наконец, кто из вас альфа-самка. Ты чем-то недовольна, Селькова? Ты всегда можешь вызвать меня на бой и забить мои слова обратно мне в глотку. Нет? Ну вот и не морщи тут нос. И ещё, девочки, чтобы никаких договорных матчей, как в прошлый раз – без хорошего фингала ваш бой не закончится. Вторая пара: Сельков и Менцева. Сельков, докажи ей, что если сила есть, то ум иметь не обязательно. А ты, Менцева, вдолби в него как следует, что бояться стоит не только своих жён, но и чужих тоже. Ну а мы с тобой, Арди. Готов?

– Всегда, наставник, – ответил я и едва успел увернуться от пинка по колену, а мой боковой удар правой ушёл в пустоту.

Мы медленно двинулись по кругу, внимательно следя

друг за другом. Хотя в целом я был Генриху пока не соперник, временами мне удавалось неплохие атаки, и Менски определённо не относился ко мне пренебрежительно.

Мы развернулись уже почти на четверть круга, когда я вдруг почувствовал движение Силы внизу, и сразу же подпрыгнул, перескочив образовавшуюся под ногой ямку. Однако прямо в прыжке я получил под дых неизвестно откуда прилетевшим камнем. Дыхание перехватило, и я лишь краем глаза смог заметить удар, отбросивший меня на несколько шагов назад.

– Что-то ты какой-то совсем расслабленный, Арди, – заметил Менски. – Чем ты там занимался? Растил пузо и щупал девок?

– Я ездил с женой, какие девки? – отозвался я, с трудом восстановив дыхание.

– Когда это кого-то останавливало? – усмехнулся Генрих. – Ладно, продолжим – вдруг это была случайность и сейчас ты мне покажешь.

Мы опять пошли по кругу. Я быстро скосил глаза вправо, и Менски купился на это, тоже бросив туда быстрый взгляд. Я тут же поддел носком ботинка тот самый камень, что так удачно мне прилетел, и вместе с песком швырнул его Генриху в лицо. Тот слегка раскрылся, уклоняясь от камня, и я, подшагнув вперёд, выдал превосходный прямой. Который, к сожалению, задел Генриха лишь вскользь, а вот мне опять прилетело непонятно откуда взявшимся камнем, на этот раз

по голове. Я успел отскочить назад, и ответный удар Генриха меня не достал.

Камень, похоже, здорово рассёк кожу, и я поморщился, чувствуя, как по щеке рядом с ухом стекает кровь. Генрих ухмыльнулся, и на меня накатила злость. В этот самый момент я ощутил ещё один камень, летящий в меня сзади, и отмахнулся от него, поставив щит.

На лице Генриха отразилось удивление и он поднял руку, останавливая бой.

– Как ты это сделал? – требовательно спросил он.

– Что сделал? – раздражённо спросил я, вытирая кровь платком.

– Как ты почувствовал камень? Я бросаю их издалека, ты не мог ощутить движения Силы.

Ага, вот почему эти камни прилетали так неожиданно и как бы ниоткуда.

– Я просто почувствовал, что он там, и поставил щит, – честно ответил я.

– Просто почувствовал, – кивнул Менски. – А как ты поставил щит?

– Что значит «как поставил»? – посмотрел я на него с удивлением. – Взял и поставил. Как обычно.

– Нет, не как обычно, – задумчиво сказал Генрих. – Я ожидал этого позже. Да и вообще, я считал, что первой будет твоя жена.

– Ничего не понимаю, наставник, – сказал я в растерян-

ности, – вы не могли бы объяснить? Что не так?

– Да нет, всё так, – сказал Генрих. – Просто слишком уж рано это случилось, потому и странно.

Я заметил, что остальные тоже прекратили бои и с любопытством прислушиваются.

– Я объясню, – сказал Генрих. – Дело в том, что ты поставил щит, не создавая конструкторов, просто волевым усилием.

– Как бы я мог это сделать? – удивился я. – Так ведь только Высшие могут.

– Где ты такую глупость услышал? – в свою очередь удивился Генрих. – Так любой Владеющий может. Ты разве не замечал, что я в вас камни швыряю без всяких конструкторов?

– Мне обычно как-то некогда это замечать, – заметил я.

– Ну вот я тебе это сейчас говорю, – пожал плечами Генрих. – Разница только в том, что четвёртый ранг волевым усилием может поставить разве что пару щитов, а девятый ранг конструкторов почти не использует.

– А что тогда могут Высшие? Я думал, что управление Силой без конструкторов и есть признак Высшего.

– Не совсем так, – покачал головой Генрих. – Высшие управляют Силой на качественно ином уровне. Обычный Владеющий может волевым усилием выполнять ограниченный набор действий, по сути, только то, что он много раз делал с конструкторами. Например, повторил построение щита десять или двадцать тысяч раз, и научился делать это волей. А Высшие управляют Силой свободно и могут делать что за-

хотят, даже то, для чего никаких конструкторов не существует.

Мне вспомнилось, как Алина создала точную копию эскимо для Лены.

– Я понял, что вы имеете в виду, наставник, – кивнул я. – А что насчёт моей жены – почему она должна была научиться этому раньше?

– Красивая очень, – усмехнулся Менски.

– Какая тут связь? – не понял я.

– Есть одна любопытная теория, почему женщинам лучше даётся управление Силой, и я склоняюсь к тому, что она верна. Вот ты не задумывался, почему женщины-Владеющие всегда красивые? Даже просто одарённые всегда гораздо красивее бездарных.

Я задумался, припоминая.

– Действительно, – с удивлением сказал я, – ни одной некрасивой девчонки у нас в школе не могу припомнить. А в Академиуме все студентки вообще красавицы.

– Дело тут в том, что все женщины очень зафиксированы на своей внешности. Если и есть исключения, то их очень мало. И они чисто подсознательно воздействуют на себя Силой, постепенно выправляя свою внешность в желаемую сторону. В результате волевое воздействие им гораздо легче даётся, потому что они буквально с малых лет его практикуют, пусть и не сознательно.

– Ну, моей жене это не нужно было, она с самого детства красивая, – заметил я, ощутив при этом пришедшее от Лен-

ки чувство удовольствия. — Но вообще очень интересная теория, и здорово похожая на правду. Обязательно порасспрашиваю Стефу Ренскую насчёт этого, может, она ещё что-нибудь расскажет.

— Порасспрашивай, — хмыкнул Менски. — А насчёт того, что ты сделал — вот именно этого я от вас и хочу добиться к окончанию Академиума. Умения ощутить угрозу даже без колебаний Силы и способности мгновенно защититься от неё волевым усилием. Не у каждого это получается, но в вашей группе такие задатки есть у всех.

— Все Владеющие это умеют? — подала голос Ленка.

— В той или иной степени все, хотя уверенно начинают этим владеть обычно с пятого ранга. Седьмой ранг и выше владеет волевым построением практически в совершенстве. А девятый ранг практически невозможно убить физическим воздействием. Ну разве что массированным применением тяжёлой артиллерии. Про Высших и говорить нечего, достать их можно только чудом.

Мы с Ленкой сразу вспомнили покойного отца Эннио Гвидиче, руководившего нашим похищением, и переглянулись между собой. Нам повезло, что имперских Владеющих толком не учат. Вряд ли мы смогли бы что-то сделать, будь на его месте кто-то из наших.

— И всем вам из этого должно быть понятно, почему лучше не прямо атаковать конструктором, а использовать физические предметы. Если атаку конструктором легко почувствует

и, возможно, отразит любой студент, опосредованный удар засечь гораздо сложнее. И даже если противник его засечёт, то далеко не всегда успеет защититься.

– А что насчёт пуль? – спросила Дара.

– С пулями проще, – пожал плечами Менски. – У пули очень маленькая масса и очень высокая скорость, её легко определить как опасное воздействие. Скоро будем проходить стандартную защиту от пуль, в зоне боевых действий вы её будете держать постоянно. А вот с камнями и прочими предметами сложнее – нет стандартного щита от камней, потому что они все разные и могут прилететь откуда угодно, и с любой скоростью.

– Ну хорошо, наставник, – сказал я, – я сделал это. Что из этого следует?

– Из этого следует много боли, Арди, – ухмыльнулся Генрих. – Теперь камни в тебя всегда будут лететь издалека, и ты должен будешь чувствовать их, а не колебания Силы. Ну и волевое усилие будешь тренировать. Так, студенты, почему встали? У нас тут, кажется, бои происходят, а разговоры у вас будут на теории.

И от всей души пнул меня в живот.

* * *

– А всё-таки хорошо здесь, – с удовлетворением сказал я, усевшись на удивительно удобную лавку. – Даже не сознавал,

насколько я соскучился по этому месту.

Сейчас в «Цыплёнке» было пустовато, и наш любимый столик в углу оказался свободен. Сессия с каждым днём становилась всё ближе, времени на подработки оставалось всё меньше, так что большинству студентов пришлось переместиться в более демократичные заведения. В «Цыплёнка» в это время ходили в основном мажорики вроде нас с Ленкой, да ещё ремесленники с алхимиками – у этих проблемы с подработками не существовало, и деньги у них водились всегда. Подобной стабильностью отличались только боевики, правда, немного с другого ракурса – боевики были вечно без денег. Проблемы с подработками у боевиков тоже не существовало за их полным отсутствием.

– Ну как вы тут жили без нас? – спросил я, когда мы, наконец, отправили прочь полового, отягощённого добром, то есть нашим заказом.

– Преподы лютуют, – с печалью ответила Дара. – Особенно Генрих, этот вообще как с цепи сорвался.

Они со Смелой красовались практически одинаковыми синяками, только что под разными глазами. Генрих своего добился, и договорного матча у них не вышло. Иван тоже был с синяком в качестве презента от Ленки, так что семья Сельковых выглядела удивительно гармонично, как и положено дружной семье, которая делит на всех и радости, и фингалы. Я машинально потрогал уже подсохшее, но всё ещё болезненное рассечение у себя над ухом и поморщился.

– А кстати, что он так окрысился на вас со Смелой? – любопытствовал я.

– Да мы просто на прошлом занятии не захотели друг с другом драться, ну и так, слегка поимитировали. А он заметил и взбеленился.

– Не очень умная идея, – хмыкнул я. – Не с нашими навыками Генриха дурить.

Дара тоже потрогала свой синяк и печально вздохнула. Оживились мы только когда половой начал выставлять на стол заказанные закуски.

– А вы-то как съездили? – спросил Иван, наваливаясь на мясную нарезку.

– Да так, – пожал плечами я. – Четверых человек зарезали, двоих повесили, я стал ливонским бароном. В целом скучновато съездили.

– Везёт же тебе, Кеннер! – поражённо сказал Иван, почти забыв о нарезке.

– Это ты называешь везением? – усмехнулся я. – Иван, по сравнению с тобой я жалкий неудачник.

Сельков от удивления подавился куском ветчины, который он как раз сунул в рот, и мучительно закашлялся.

– Это как? – наконец откашлявшись, с изумлением спросил он.

– Ну давай посмотрим. Я родился в семье аристократки, и с самого начала предполагалось, что я стану главой аристократического семейства. Что изменилось? Да ниче-

го – кем я был, тем я и остался. Стал порядком богаче, но это тоже нельзя целиком отнести на везение. Я просто сумел воспользоваться парой появившихся возможностей. Везения там было не так уж много, в основном я добился всего своим трудом, временами изрядно рискуя. Вот скажи, Лена – так это?

– Знаешь, я как-то не рассматривала это с такой стороны, – озадаченно сказала Ленка. – Но и отрицать не могу, хотя меня не оставляет чувство, будто что-то здесь не то. Но вообще-то всё так, как ты говоришь.

– Давай сейчас поговорим о тебе, Иван, – продолжал я. – Ты родился младшим сыном кузнеца, который вряд ли мог рассчитывать на наследство.

– Ну, батя меня совсем голым на улицу бы не отправил, – неуверенно возразил Иван.

– У тебя два старших брата, не думаю, что тебе много бы досталось.

– Вряд ли много, – со вздохом согласился Иван.

– Теперь посмотри на себя – ты одарённый, по окончании Академиума для тебя реально получить пятый ранг. У тебя две красавицы-жены, и обе одарены не меньше тебя. Вы все через три года станете дворянами, а годам к сорока у вас есть хорошие шансы подняться до Старших и основать свой дворянский род. Я как был, так и остался главой дворянского семейства, а вот ты почти к такому же положению скоро поднимешься от младшего сына деревенского кузнеца. И кто

тут может говорить о везении?

Иван в некотором ошеломлении завис, а девчонки с удивлением друг на друга уставились.

– Но ведь баронство-то ты получил? – наконец вспомнил он.

– Я бы не назвал таким уж везением нищее баронство, которое на меня повесил папа римский, – возразил я. – В котором к тому же пришлось воевать, потому что половина его была захвачена соседями. А ещё туда придётся вложить минимум триста тысяч гривен, при этом есть довольно высокая вероятность, что у меня через некоторое время это баронство отберут, и все вложенные деньги пропадут. В принципе вполне возможно, что его удастся сохранить и превратить в процветающее, но это будет совсем непросто. Если бы была возможность отказаться от этого баронства без последствий, то я бы, наверное, так и сделал.

– Знаешь, Кеннер, это какой-то очень неожиданный взгляд на вещи, – сказала Смела. – И кстати насчёт дворянства – нам всем нужно стать Старшими, чтобы основать свой дворянский род?

– Достаточно одного Ивана, – ответил я. – Если же Старшим станет не он, а кто-то из вас, то будет немного сложнее. Например, если Старшей станешь только ты, то ты будешь основательницей рода Беркиных-Сельковых, а вот дети Дары дворянами не будут.

– А если мы с Иваном оба станем Старшими – это будет

род Сельковых или Беркиных-Сельковых?

– По умолчанию считается, что главой семейства является мужчина, так что это будет род Сельковых. Но если вы при регистрации в дворянском реестре впишете главой семейства тебя, то это будет род Беркиных-Сельковых.

Будущая дворянская семья в полном составе погрузилась в размышления. Тут нам как раз принесли горячее, и мы в тишине принялись за еду.

– А скажи, пожалуйста, Кеннер, – наконец, заговорил Иван, отодвигая от себя пустую тарелку, – почему ты думаешь, что мы станем Старшими?

– Я так не думаю, – покачал я головой. – Откуда мне это знать? Я думаю, что у вас хорошие шансы, но зависит это только от вас. Способностей у вас достаточно, и если хватит воли, то обязательно станете.

– Я вот этих заходов насчёт воли вообще не понимаю, – нахмурился Иван. – Много нам про это говорят, но какая-то чепуха получается. Вроде как нужно просто сильно захотеть, и всё будет.

– К хотению воля вообще никакого отношения не имеет, откуда ты это взял? – удивился я. – Не помню такого, чтобы нам что-то говорили насчёт того, что захотел, и всё будет.

– Ну может я немного не так понял, – смутился Иван. – Вроде там было, что нужно делать что не хочешь, ну или захотеть это делать.

– Нет, хочешь ты что-то делать или нет – это совсем

неважно. Если ты заставляешь себя что-то делать, то ты всего лишь себя заставляешь, и не более того. Воля здесь совершенно ни при чём. Ну то есть, такие вещи тоже помогают развить волю на начальном этапе, но прямой связи нет. А вот насчёт именно воли... давай я пример из своей жизни приведу. Был у меня в жизни случай, когда Ольга Ренская на меня давила, а я отказывался сделать то, что она хотела. Если бы я хоть на мгновение допустил, что я это сделаю, то это было бы просто упрямство. Но у меня не было никаких сомнений, что я делать это не стану, даже если умирать буду, и вот это была уже воля. Очень тяжело сопротивляться, когда Высшая начинает давить, потому что у них-то как раз воля стальная. И случись мне допустить хоть малейшую возможность сдать, она бы это обязательно почувствовала и обязательно меня бы додавила. Понимаешь, воля – это абсолютная уверенность, что всё будет так, как ты хочешь. И если эта уверенность у тебя есть, то всё действительно так и будет. У меня тогда уверенности оказалось больше, чем у Ольги.

– Вот ты сказал «будет так, как ты хочешь». Значит всё-таки воля – это когда хочешь что-то сделать?

– Нет, не так. Мне просто сложно точно сформулировать. Воля – это когда ты делаешь то, что считаешь нужным, и абсолютно уверен, что это будет сделано именно так. Хочешь ты при этом, или не хочешь – это вообще неважно.

– И что – это действительно так просто? – удивился Иван.

– Это сказать просто, – засмеялся я. – Попробуй этого до-

биться. Если получится, то ты в тот же момент станешь Высшим.

Иван вздохнул. Свои шансы стать Высшим он явно оценивал не очень высоко.

– Вот такими настроениями ты и разрушаешь свою волю, – заметил я.

Ваня поморщился и решил срочно перевести неприятный разговор на что-нибудь другое.

– Ты, кстати, ещё раз жениться не собираешься?

– «Кстати» – это в смысле для развития воли? – засмеялся я. – Нет, сказать по правде, я плохо представляю, как можно с несколькими жёнами жить. У вас-то как – нормально получается?

– Нормально, – сказали девчонки в один голос и слегка порозовели.

– Вот, – сказал Иван. – Втроём гораздо веселее.

– Ну да, конечно. А уж как впятером весело, просто обхотаться можно, – согласился я. – Спасибо, но всё же нет, у меня и без того веселья хватает. Да и не такое у меня большое сердце, чтобы любить сразу нескольких женщин. Мне Лены достаточно, у нас с ней идеальная сочетаемость. Как у винтика с гаечкой.

Ленка отреагировала на аллегорию презрительным фырканьем.

– Так на винтик можно ведь и несколько гаечек накрутить, – засмеялась Дара, бросив игривый взгляд на Ивана. –

Главное, чтобы винтик был длинный.

Иван покраснел.

– В жёны лучше брать немую, – в сердцах сказал он. – А ещё лучше вдобавок и глухую.

– Терпи, Иван, женщины, они такие, – философски заметил я. – Закаляй характер. Я вот закаляю, уже почти закалил.

Иван насупился и сосредоточил всё своё внимание на куске окорока.

– В самом деле, Кеннер, – сказала Дара, – вы, конечно, извините, если это неуместно. Мы в вашу личную жизнь вмешиваться не хотим, но просто интересно. Вот взять Анету из второй группы – видно же, что ты ей нравишься, и она была бы не против. И с Леной они подруги. Чем она тебя не устраивает как жена?

Я вздохнул. Можно было бы, конечно, закрыть эту тему, как личную, но они же и дальше будут фантазировать. Проще уж объяснить.

– Понимаешь, Дара, если чисто гипотетически я решил бы взять вторую жену, то Анета и в самом деле была бы самым подходящим вариантом. Вот только мне никто не позволит на ней жениться. Алина считает, что Анета когда-нибудь станет Высшей и будущей Матерью рода, поэтому её никогда и ни за что не отдадут в другую семью. У Алины такие планы были раньше, когда наша семья ничего собой не представляла. Она в то время планировала, что я женюсь на Анете, и наша семья вольётся в род Тириных. Сейчас мы

стали слишком сильными для этого, и совершенно очевидно, что под Тириных мы не пойдём. Так что вопрос с женитьбой на Анете для меня полностью закрыт, причём даже не мной. Я ответил на твой вопрос?

– Как у вас, дворян, всё непросто, – озадаченно проговорила Дара.

– Подожди до того времени, когда сама получишь наследственное дворянство и будешь подбирать пару для своего ребёнка, – пообещал ей я. – Вот тогда сама посмотришь, как это непросто у дворян. Например, не думаю, что ты обрадуешься идее отдать свою одарённую дочку-дворянку в мещанскую семью.

– Я вообще-то сама из мещан, – задумчиво сказала Дара.

– К тому времени ты об этом начисто позабудешь, – пообещал я.

Глава 3

Люблю весенние вечера, когда воздух полон предчувствием чего-то нового и лучшего, что ожидает нас впереди. Не скажу ничего плохого про другие вечера, все они по-своему хороши. Чудесны осенние, пахнущие мокрой листвой и навевающие тихую грусть. Томные и душноватые летние тоже замечательны, и даже морозные зимние исполнены чуждого очарования. Но лишь весенние по-настоящему волшебны, когда в ещё прохладном влажном воздухе носится ощущение пробуждающейся жизни. Рождение, жизнь, увядание и смерть – извечный круговорот, в котором бесконечно кружится всё сущее, и начинается он с весны.

Мы медленно брели по узкой аллейке, держась за руки. Сквозь голые ветви был хорошо виден Волхов, по которому в Ладогу неторопливо плыли одинокие льдины из Ильмень-озера.

– Давай посидим, Кени, – Ленка махнула рукой в сторону скамейки.

– Ты не замёрзнешь? – спросил я. – Всё-таки не лето.

– Да тепло же, – помотала головой Ленка. – Ну если замёрзну, то скажу.

Скамейка была уже отмытой после зимы, и в самом деле не холодной. Ленка прижалась ко мне, а я её обнял и поцеловал.

– Кени, это же неприлично – целоваться с женой, как с девушкой на свидании, – хихикнула Ленка.

– Ну да, я извращенец, – признался я. – Ты ещё всей страшной правды про меня не знаешь – я ведь жену к тому же и люблю.

– Ты только в обществе это не ляпни, – засмеялась Ленка, – а то ведь и вправду подумают, что извращенец.

– Пусть думают, – я покрепче прижал её к себе.

Говорить совершенно не хотелось, и мы сидели молча, просто наблюдая за плывущими льдинами.

– Скажи мне, Кени, – вдруг спросила Ленка, – зачем всё это?

Я вопросительно на неё посмотрел.

– Не знаю как сказать, – вздохнула она. – Вот какая у тебя цель в жизни?

Я задумался. Никакого ответа в голову не приходило.

– А у тебя? – не нашёл я ничего лучшего, чем ответить вопросом на вопрос.

– Я существо простое и неинтересное, – заявила Ленка, – и цели у меня простые и неинтересные. Быть с тобой. Любить тебя. Детей тебе родить. Эти цели даже скучно обсуждать, а ничего глобального я не хочу. Вот ты – совсем другое дело.

– Благополучие семьи, – сказал я не очень уверенно. – Чтобы у наших детей было всё хорошо, чтобы они шли по жизни с поднятой головой, никому не кланяясь. Чтобы наша семья была сильной.

– Разве ты этого не достиг? – подняла бровь Ленка. – Нет, я понимаю, что всегда можно сделать больше и лучше, – прервала она мою попытку что-то сказать, – но у нас уже сейчас далеко не последнее семейство в княжестве. Да ты в любом случае не сможешь подняться сильно выше, тебя тормозить начнут.

– Уже тормозят, – с недовольством согласился я.

– Неудивительно, – сказала Ленка. – Мы уже в десятке сильнейших семейств, наверное?

– Может, и не в десятке, – прикинул я, – но где-то в том районе.

– Ну вот. Поднимешься ты, может быть, ещё на пару позиций. Дальше уже только наши дети и внуки смогут что-то понемногу делать. То есть ты уже сделал почти всё возможное. И всего за пять лет. Я тобой горжусь, Кени. Но всё-таки – что дальше?

Я опять задумался. Сказать по правде, подобные мысли и мне приходили в голову, но всегда как-то очень вовремя подворачивалось что-нибудь срочное, и я с удовольствием переключался с философской проблемы на конкретную.

– Стать Высшим, – вспомнил я ещё одну важную цель.

– Стать кем-то – это не цель, а средство, Кени, – возразила Ленка. – Когда младший писец мечтает стать старшим делопроизводителем, он на самом деле мечтает совсем о другом. О том, какой самобег он купит с нового заработка, или о том, как на него обратит внимание машинистка Манечка,

или о том, как он станет тиранить своего скота-начальника, который сейчас тиранит его. Он о возможностях мечтает, а не о должности.

– О возможностях, говоришь... Да, меня интересуют возможности. Мама когда-то сказала, что только Высшие по-настоящему независимы, а я не хочу ни от кого зависеть. Ещё я хочу понять смысл своей жизни и своё предназначение, и у Высшего гораздо больше для этого возможностей.

– А оно есть, это предназначение?

– Ингвар когда-то сказал, что есть, но подробностей я из него так и не вытащил.

– Зря ты ему веришь, – хмыкнула Ленка, – дух всегда врёт. Мы же это по духоведению проходили, ты что, не помнишь уже? Дух тебе скажет правду, только если боится тебя до судорог, но я не верю, что ты способен Ингвара настолько запугать. Лучше бы нам его вообще развеять, слишком уж он сильный, чтобы нормально служить.

– Да не особо я ему верю, – ответил я. – Просто я и сам думаю, что предназначение есть у всего. Не может смысл нашей жизни состоять только в том, чтобы мелькнуть, оставив потомство.

– Некоторых это вполне устраивает, не будем тыкать пальцем, – усмехнулась Ленка.

– Может, это и к лучшему, – улыбнулся ей я. – А то когда эти некоторые вдруг начинают разговаривать на серьёзные темы, я начинаю понимать, что по сравнению с некоторыми

не такой уж я и умный.

Ленка смущённо засмеялась и ткнула меня кулачком в бок.

– Нет, правда, Лен, не могу я на этот вопрос ответить, – серьёзно сказал я. – Насчёт потолка развития ты правильно заметила – мы выросли слишком быстро, и у многих начали вызывать опасения. На нас просто не успели среагировать вовремя, но больше нам расти не дадут. Дальше только мелкими шажками, как все. Ещё будем развивать баронство, но там тоже есть верхняя граница, а графом мне не стать никогда, язычнику графство не дадут. Буду искать какие-то новые нестандартные варианты. А если говорить о развитии как Владеющего, то это для меня гораздо интереснее. Мне в самом деле хотелось бы понять своё место в этом мире, вот только я плохо пока представляю, как к этой задаче подступиться. Пока надо просто развиваться, а дальше, возможно, яснее будет.

– Ну хорошо, ты меня успокоил, – сказала Ленка, прижимаясь ко мне.

– Чем это я тебя успокоил? – удивился я.

– Тем, что у тебя нормальный и разумный взгляд на жизнь, и тем, что ты не планируешь никаких грандиозных свершений. Люди, которые живут великими целями всегда плохо кончают. Даже те немногие, кому удаётся оставить след в истории. А хуже всего приходится их близким. Я рада, что это не твой случай.

Я почувствовал смущение. Так уж получается, что если человек не лезет вперёд с умными мыслями, то мы как-то неявно начинаем считать, что у него их и нет. На самом деле чаще бывает наоборот, такие люди могут сказать гораздо больше, чем горластые умники. Но вот если насчёт других людей легко ошибиться, то недооценивать собственную жену, которую знаешь с малых лет, действительно стыдно. Пусть даже она и предпочитает держаться в моей тени, мне не стоит забывать, что она умница, да и советоваться с ней надо бы почаще.

Мы так и сидели, обнявшись и болтая о разных пустяках, и даже не обратили внимания, что на этой тихой аллейке мы уже не одни.

– О, Матюха, вот кто нам сейчас поможет!

Перед нами возвышались два здоровенных – побольше нашего Ивана, пожалуй, – и поддатых парня, за которых цеплялась тщедушная девчонка лет шестнадцати.

– Сёма, пойдём домой, пожалуйста, – умоляюще проговорила она и попыталась потянуть парней дальше, но с тем же успехом она могла бы попробовать передвинуть монумент князю Любославу, что на площади Перепелиных стай.

– Цыц, – небрежно сказал ей парень и обратился к нам: – Пожертвуйте на рюмочку, сограждане.

– Мимо проходи, – с отвращением сказал я. – Здесь не подают.

– Матюха, он нас не уважает, – патетически воззвал Сё-

ма. Матюха в ответ икнул, ухитрившись в этом простом действии выразить одновременно и согласие с товарищем, и возмущение нашим поведением.

– Сёма, пойдём, пожалуйста, – опять влезла девчонка со слезами в голосе, но внимания на неё никто не обратил.

– Давай быстро деньги выгребай, – приказал мне Сёма. – И побыстрее, а то сами возьмём. И девку твою мы забираем, нечего ей с задохликом сидеть.

– Вы нас грабить, что ли, собрались, придурки? – изумился я. – А ну быстро бегом отсюда, дебилы тупые, а то сейчас страже вас сдам.

Моя мирная инициатива отклика не нашла – Сёма оказался совершенно не готов к компромиссному предложению, и даже Матюха встрепенулся и начал разминать кулаки. Дело стремительно катилось к драке.

– Ну конец тебе, задохлик, – со злобой проговорил Сёма, шагнув к нам.

– Кени, можно? – вопросительно посмотрела на меня Ленка.

– Развлекайся, – вздохнул я.

Ленка стремительной тенью метнулась к грабителям. Движения её были настолько быстрыми, что почти не замечались глазом, и через несколько секунд Матюха стоял на четвереньках, извергая из себя выпивку и закуску, а Сёма валялся на земле, и судя по судорожным бессмысленным движениям, уже в нокдауне. В этот момент девчонка встрепе-

нулась и коршуном налетела на Ленку, размахивая руками, но после короткого резкого удара села на землю, залившись слезами.

– Я стражу позову, – заявила она рыдая.

– Ты совсем идиотка, что ли? – с удивлением поинтересовался я. – С каких это пор неудачливые уличные грабители зовут стражу?

– Ещё вопрос кому из нас поверят, – заявила она.

– Никакого вопроса, – заверил я её. – Поверят дворянам, то есть нам. Но я даже не стану поднимать вопрос о доверии. Я потребую допроса с эмпатом, и он моментально выяснит, что ты оговорила дворян, чтобы покрыть грабителей. Ты пойдёшь в тюрьму вслед за ними, и срок у тебя, кстати, будет больше, чем у них.

– Что же ты такой трусливый, – сменила тему она, – спрятался за свою девку.

Ленка тихо засмеялась.

– Я не люблю драться, – серьёзно объяснил я, – а моя жена любит, вот и всё. Ну ладно, пора посмотреть, что за улов тут у нас.

Я подошёл к Сёме, который уже пришёл в себя и ошалело тряс головой, пытаясь понять, что же с ним произошло. Я пнул его в бок, заставив охнуть.

– Ты лучше лежи смирно, – посоветовал я ему, – а то я тебе что-нибудь сломаю. Дай-ка свою карточку гражданина.

Потребовалось ещё несколько пинков по рёбрам, чтобы

он неохотно протянул свою карточку. Порядком протрезвевший Матюха свою карточку отдал без дополнительного стимулирования.

– Фамилия одинаковая, – заметил я. – Братья, что ли?

– Братья, – мрачно подтвердил Семён.

– А она тебе кто?

– Сеструха.

– У вас в семье, похоже, только сестра умная, – рассеянно заметил я, изучая карточки. – Лен, ты будешь смеяться, но они оба с «Милика». А код подразделения двадцать четыре на «Милике» – не помнишь, что это у нас такое?

– Помню, – сказала Ленка посмеиваясь. – Это кузнечно-прессовый.

– Кузнецы, значит. И дух ваш молод⁶, да?

– Чевось? – тупо переспросил Сёма.

– Тебе не кажется, Лен, что вокруг нас как-то слишком уж много кузнецов? – спросил я, не обращая внимания на Семёна.

– Ну с этими-то кузнецами мы легко можем расстаться, – улыбулась Ленка. – Что ты собираешься с ними делать? Сдать страже?

⁶ Кеннер вспомнил здесь революционную песню «Мы кузнецы и дух наш молод / Куём мы счастья ключи», сочинённую Ф. Шкулёвым в связи с баррикадными боями 1905 г. на Пресне. Интересно заметить, что исполняется эта песня на мотив венской шансонетки «Мы шансонетки, стреляем метко», из-за чего в 1930-х годах пролетарские музыканты требовали её запретить. <https://www.youtube.com/watch?v=bIUqgSPea8Y>

– Не хотелось бы позориться, – задумчиво сказал я. – Представляешь, как я буду объяснять страже, что меня грабят мои собственные рабочие?

Со стороны девчонки донеслась волна ужаса, которая тут же сменилась отчаянием. Она сидела на земле и тихонько всхлипывала, явно не ожидая уже ничего хорошего.

– Значит так, Семён, и ты, Матвей, – начал я, приняв, наконец, решение. – Завтра вы явитесь на завод как обычно, на проходной доложите охране и будете там ждать Антона Кельмина. Карточки ваши будут у него, он и назначит наказание. А теперь поднялись и пошли вон отсюда.

Долго себя упрашивать они не заставили. Уже через полминуты до нас доносился забавный диалог издалека:

– Ну что ты дерёшься, Настька, – плаксиво басил Семён.

– погоди ещё, вот дома батя вам пропишет, придуркам, – злым голосом сулила Настька.

– Ну чё ты, Насть, зачем бате рассказывать.

Ленка засмеялась, слушая удаляющиеся голоса.

– Что ты с ними решил-то?

– Скажу Антону, чтобы подыскал им на завтрашний день работку потяжелей и погрязней. Канализацию почистить или ещё что-нибудь в таком роде. Самое то с похмелья.

– Разжалобила она тебя?

– Разжалобила, – признал я. – Такое чистое горе, еле удержался, чтобы просто их не отпустить.

– Они вообще-то преступники.

– С точки зрения закона – да. Но судья их тоже в тюрьму не послал бы, разве что я стал бы настаивать. Всё-таки есть разница между уголовником и обычным придурком, который выпил и захотел покуражиться. Ладно, пойдём отсюда, а то пахнет здесь после того, как ты Матюху протрезвила.

– Пойдём, – вздохнув, согласилась Ленка. – Вот уж точно придурки, такой вечер испортили.

– Зато подралась, – заметил я. – Отличное развлечение для красивой женщины – избить мужчину. А лучше двух.

Ленка больно ткнула меня в бок.

– Или трёх, – меланхолично добавил я.

* * *

Художник, вдохновенно вырисовывающий крыло огромной бабочки на бетонной стене, был здорово похож на Сальвадора Дали. Во всяком случае, выглядел он совершенно сумасшедшим. Я так засмотрелся на него, пока шёл к калитке, что споткнулся о выступающий камень мостовой. Рисунки на стене были действительно неплохи, но бетонная стена даже с неплохими рисунками по-прежнему оставалась бетонной стеной с кольцами колючей проволоки наверху. Словом, облагородить свою ограду у Ренских не особо получилось, хотя по сравнению с исходной серой поверхностью прогресс определённо был.

Разглядывая местное граффити на всем протяжении пути

от автостоянки для гостей, я наконец дошёл до неприметной двери рядом с закрытыми воротами, которая распахнулась, не дожидаясь, когда я нажму кнопку звонка.

– Господин Кеннер, – нерешительно сказал один из охранников, которого я раньше не видел, но который показался мне смутно знакомым, – возможно, вам забыли сообщить, но у нас есть распоряжение пропускать вашу машину на территорию. Без досмотра.

– Даже так? – удивился я. – Нет, мне не сообщали. Буду иметь в виду. – Я присмотрелся к нему повнимательнее и заметил, – Кстати, ваше лицо мне кажется знакомым.

– Виноват, господин Кеннер, – побледнел охранник. – У нас был приказ так себя вести.

В этот-то момент я его и вспомнил – это был один из тех двух быков, которые пять лет назад привезли меня сюда, а затем таскали из камеры в кабинет Ольги Ренской.

– Я не держу зла, – немного поразмыслив, я пожал плечами. – Встреться вы мне раньше, возможно, для вас это кончилось бы плохо, но с тех пор прошло много времени. Да и тогда мои претензии были всё же в основном к Ольге.

– Спасибо, господин Кеннер, – кивнул он, хотя по его виду было незаметно, чтобы он испытал заметное облегчение.

– Предупредите сиятельную Стефу, что я прибыл, – распорядился я и вышел на территорию резиденции.

Да, этой парочке явно пришлось нелегко. Пять лет они от меня прятались, но сейчас я стал бывать у Ренских часто,

и наша встреча была лишь вопросом времени. Их опасения легко можно было понять – они-то притащили сюда просто какого-то четырнадцатилетнего пацана, а потом пацан внезапно оказался главой аристократического семейства и родным внуком Матери рода. Словом, одним из тех, с кем простому охраннику надо вести себя крайне осторожно, а ещё лучше вообще держаться подальше. Верхушка поссорится и помирится, а вот исполнителей между делом могут и закатать в асфальт. В общем-то, их поведение и в самом деле было достаточно оскорбительным и обошлось бы им очень дорого, будь я чуть более злопамятным.

Однако как бы резиденция Ренских ни выглядела снаружи, внутри это было очаровательное место. Снег в городе только-только стоял, и на улицах было грязновато, но в резиденции уже давно навели порядок. Окна зданий, да и сами здания сверкали идеальной чистотой. Весь зимний мусор был убран, все скамейки и ограды вымыты и подкрашены, и даже самого богатого воображения не хватило бы на то, чтобы представить себе лежащие на газоне собачьи экскременты.

Направлялся я к ротонде Медведицы – небольшому парковому павильону, в котором мы со Стефой чаще всего и встречались. Я не хотел без особой необходимости сталкиваться с Ольгой и старался не посещать главное здание. Стефа не вполне это одобряла, но я аргументировано убедил её, что использовать Силу в здании со множеством людей может

быть опасным, и она нехотя согласилась встречаться со мной в другом месте.

– Кеннер! – вдруг окликнули меня с узкой боковой аллеи.

Я обернулся и увидел улыбающихся Эльму с Нельмой – двух рыжих сестёр, с которым учился в старшей школе, и с которыми умудрился подраться в первом классе. Ну просто какой-то день неожиданных встреч у меня сегодня.

– Здравствуйте, девушки, – улыбнулся я им в ответ. – Тысячу лет вас не видел. Вы похорошели просто на удивление, я вас даже не сразу узнал.

Никогда не стоит упускать возможность сказать женщине комплимент – самый лучший способ наладить с ней хорошие отношения, причём совершенно бесплатный. Главное, чтобы комплимент не прозвучал фальшиво, но я обычно с этим справляюсь.

– Сейчас не стал бы нас бить? – хихикнула Нельма, младшая.

– Даже мысли бы такой не возникло, – с ужасом отказался я. – Сразу бы сдался, сразу обоим. Таких красивых надо беречь.

– Врунишка, – заметила Эльма, покраснев от удовольствия. – Куда ты направляешься?

– Мы со Стефой тут недалеко встречаемся. Она мой наставник в Академиуме.

– Везёт же тебе, Арди, – вздохнула Эльма. – Прямо как с

неба падает. А ведь ты даже не в роде.

Ещё одна взялась рассказывать мне о моём везении, да что же это такое?

– Если бы я был в роде, она бы меня, возможно, и не взяла, – заметил я. – Но вас-то она в любом случае не взяла бы, вы же не на боевом. А кстати, где вы сейчас? Я как-то потерял вас из виду после школы.

– Мы на алхимии, – ответила Нельма. – Я на третьем курсе, а Элька на четвёртом.

– Тогда понятно, почему я вас не встречал, – кивнул я. – С алхимиками мы как-то совсем не пересекаемся. А почему вы не на боевом, кстати? Вы девчонки резкие, и в школе дрались неплохо.

– Мы хотели, – с печалью ответила Эльма. – Но роду нужны алхимики.

Знакомая история. С мамой ведь было то же самое, только тогда роду были нужны как раз боевики. Похоже, Ольга не оставила своих привычек даже после того, как грандиозно просчиталась с дочерью.

– Ну, алхимия интересный предмет, – утешил их я. – К тому же всё в ваших руках. Моя мать тоже алхимический закончила, а сейчас её многие считают сильным боевиком.

– Милослава Ренская закончила алхимический? – поразила Эльма.

Как всё-таки интересно разделяется наша семья у Ренских. Я у них Арди, но моя мать – Ренская. Для меня это

выглядит, как будто они к маме немного примазываются, но в общем-то, мне всё равно.

– Да, она дважды заканчивала Академиум. Сначала ей нравилась алхимия, а потом она увлеклась медициной, и когда закончила алхимический, сразу же поступила на лекарский.

– А Ольга что? – спросила Нельма с округлившимися от удивления глазами.

– А Ольга хотела, чтобы она шла на боевое. Ну а чем дело кончилось, вы и сами знаете. Появилось семейство Арди.

Девчонки дружно вздохнули.

– Но вообще странно, что я вас не встречал, – вдруг пришла мне в голову мысль. – Пусть не в Академиуме, так в «Цыплёнке». У нас же кроме как в «Цыплёнке» пообедать и негде, вы же наверняка там бываете.

– Это ты у нас богатенький мальчик, Кеннер, – язвительно сказала Эльма. – У нас на такие заведения денег нет.

– Не понял, – изумился я такому повороту, – вы вроде не крестьянки и не приютские.

– Род оплатил обучение, – пояснила Нельма, – а дальше крутись как хочешь. Дома тебя накормят, конечно, и бутербродов с собой дадут, но если хочешь в «Цыплёнке» пообедать, зарабатывай сама. Стипендия от рода только у боевиков есть, потому что у них подработок не бывает, но на эту стипендию тоже не особо разгуляешься. Роду на хлебники не нужны.

Ну надо же, как сурово, прямо спартанцы какие-то. Хочется верить, что они не бросают неперспективных младенцев со скалы. Правда, у нас и скал-то в округе не найти, так что надежда есть. Вот интересно – это у всех родов так или только у Ренских? Спросить бы Анету, но как об этом спросишь? «Анета, у тебя деньги есть?» Ну, может, сама проговорится при случае.

– Вообще-то, это не совсем так, – поправила сестру Эльма. – У нас ведь стипендия тоже есть. Стипендия Кеннера.

– Она же не совсем от рода, – возразила ей Нельма.

– Какая ещё стипендия Кеннера? – не понял я.

– Стипендия Кеннера Ренского по его завещанию платится его потомкам из Ренских, обучающимся в Академиуме, – пояснила Эльма.

– А кто у вас потомок Кеннера Ренского? – продолжал недоумевать я.

Девчонки посмотрели на меня как на идиота, переглянулись между собой и пожали плечами.

– Мы, например, – наконец, снизошла до пояснения Нельма. – Только мы с тобой из разных линий, в смысле, от разных жён Кеннера. Ты из главной линии, от Асты, а мы из побочной, от Златы. Ты что, своих родственников вообще не знаешь?

– Да как-то вот так, – смутился я и, похоже, даже покраснел. – У нас с вами до недавнего времени были сложные отношения, сами знаете.

Они только молча пожали плечами. Я и сам понимаю, что оправдание так себе. Действительно, стыдно не знать своих предков. А если бы они узнали, что я и про Асту Ренскую в первый раз услышал, то было бы вообще позорище. Почему-то я никогда не спрашивал мать о предках. Возможно, это был груз из прошлой жизни – страну у нас столько раз сотрясали катаклизмы, что у большинства семей потерялась связь поколений. Мало кто знает даже прадедов, а уж про более далёких предков и говорить нечего. Да многие и вообще предками не интересуются – были и были.

Мы в молчании дошли до ротонды Медведицы.

– Ну всё, девчонки, – сказал я, всё ещё испытывая неловкость от своей промашки. – Я пришёл, мне сюда. Надеюсь, мы ещё встретимся.

– Пока, Кеннер, – они дружно помахали мне и двинулись дальше, а я вошёл в павильон.

Ждать Стефу мне пришлось недолго. Я давно её не видел, и мне, на свежий взгляд, сразу бросилось в глаза, как молодо она выглядит. Если и не ровесницей Эльмы с Нельмой, то уже недалеко.

– Ты всё молодеешь, бабушка, остановись, – заметил я. – Тебе так добрые взрослые скоро начнут совать леденцы.

– Пускай, я не против, – засмеялась она. – Как съездил?

– Да так себе, – хмыкнул я. – Напрасно потерял кучу времени.

– Получил баронство, я слышала. Поздравляю!

– Да не с чем поздравлять, бабушка. Нищее баронство с изрядным сюрпризом в виде группы лесных. Чтобы из этого баронства вышел какой-то толк, нужно столько труда и денег вложить, что просто страшно становится.

– Люди Ворона, – кивнула Стефа. – Ну да, сюрприз ещё тот.

– Ты их знаешь? – удивился я. – Откуда?

– Когда они отделились и пошли на запад, Драгана попросила нас проследить, чтобы они не вздумали у нас осесть. Так что именно Ренские их из княжества и выставили.

– Я вот чего с ними не понимаю, – решил я прояснить некоторые моменты, раз уж Стефа разговорилась, – понятно, что они потоки Силы на себя замыкают, и нам это не нужно. Но в княжестве есть же и север с огромными лесами – почему бы их там не поселить? Там они никому мешать не будут, а пользу от них можно получить немаленькую.

Стефа снисходительно заулыбалась.

– Кеннер, ты просто не понимаешь, о чём ты говоришь. В княжестве нет свободных земель. И уж тем более нет земель, которые бы можно было отдать пришельцам, тем более таким проблемным пришельцам. Даже на севере нет.

– погоди, мы же спокойно купили себе поместье. Огромный участок чуть ли не в черте столицы. Просто обратились в канцелярию князя с запросом на покупку, и всё. И мы ещё выбирали из трёх вариантов.

– Нет, ну какой ты наивный бываешь временами, – закати-

ла глаза Стефа. – Этот участок тебе на самом деле дал князь из своего личного резерва, и угадай, за какие заслуги?

– Мама? – предположил я, уже будучи полностью уверенным в ответе.

– Именно так, – подтвердила Стефа. – Князь просто хочет Милу держать поближе. Можешь быть уверен, что кому-то другому никто трёх участков рядом с городом не предложит. И даже одного не предложит. А насчёт немаленькой пользы – ты алхимию, что ли, имеешь в виду?

– Ну да, алхимию, – с удивлением подтвердил я.

– С алхимией у Круга все связи давно налажены, и Ворон им совершенно ни к чему. Ещё непонятно, что там у него за алхимия. В общем, не нужны они здесь. Да и тебе, скорее всего, не нужны.

– Не нужны, – неохотно согласился я, – но мне деваться некуда. Иначе они сами начнут свою алхимию куда-то толкать, а церковь их начнёт к рукам прибирать. Они же у меня в баронстве сидят, по мне всё это катком пройдёт. Мне тогда придётся со всеми поссориться – и с епископом Дерптским, и с архиепископом Рижским, да и с самим папой, возможно.

– И как ты из этого положения будешь вылезать? – с любопытством спросила Стефа.

– Думаю пока. Я ещё плохо эту ситуацию понимаю. Не знаю даже как Круг к этому отнесётся, если я в торговлю алхимией влезу.

– Да никак, скорее всего, – пожала плечами Стефа. – По

сравнению с тем объёмом, который проходит через Круг, долю Ворона только в лупу разглядывать. Если ты не будешь раздражать Драгану нездоровой суетой – скажем, попытками перехватывать какие-то контракты, – то она тебя даже не заметит. Ну а если ты не будешь раздражать Драгану, то и князь на тебя внимания не обратит, ему главное, чтобы он свою долю вовремя получал.

Ну конечно, всё просто. Вопрос только в том, какая суета будет здоровой и не будет раздражать Драгану. А суетиться так и так придётся, и лучше бы угадать правильно, куда можно лезть, а куда не стоит.

– Хоть здесь попроще, – вздохнул я. – Ладно, разберусь.

– Я даже не сомневаюсь, что разберёшься, – засмеялась Стефа. – Надо будет поспорить с Ольгой, кого ты на этот раз обдерёшь – князя или папу.

– Ты из меня совсем уж какого-то монстра не делай, – фыркнул я. – Ты лучше скажи – зачем вы взяли свой забор разрисовывать? На холстах экономите?

– Градское благоустройство, – поморщилась Стефа. – Говорят, что наш забор портит архитектурный облик города. Грозятся штрафовать.

– Думаешь, их устроит разрисованный забор?

– Не уверена. Ну, может хоть время потянем.

– Зачем вы вообще такой ужас соорудили? Неужели нельзя было сделать что-то получше? Или хотя бы снести его и построить нормальный.

– Его во времена деда строили, в последнюю войну. Тогда было не до красот, нужно было сделать хоть что-то, и как можно быстрее, а то к нам враги заходили как к себе домой. В деда ведь как раз тогда и стреляли. А потом мы этот забор много лет улучшали. В него уже столько денег вложено, что просто невозможно его взять и снести.

– А ты можешь что-нибудь про те времена рассказать?

Стефа скривилась, как от лимона.

– Знаешь, не очень хочется. Очень уж неприятные воспоминания. Когда деда убили, это был такой удар для всех нас... он ведь был у нас главной силой. Без него мы бы недолго продержались. Мы тогда засели в поместье и в общем-то, уже готовились умирать. Нас спасли Тирины, они тогда просто пришли и убили всех. Главным там был род Эйле, их Алина истребила под корень. Ну а мы благодаря Алине выжили.

– Извини, бабушка, что завёл этот разговор, – повинился я. – Не думал, что это такие болезненные воспоминания.

– Что уж теперь, – пожалала она плечами. – Что было, то было. Алина, конечно, не нас спасала, а мстила за деда, но мы всё равно ей благодарны. А ты знаешь, кстати, что когда Ольга изгнала Милославу, Алина прервала с нами все отношения? Ольге это тоже припоминают частенько. Мы только недавно начали снова общаться с Тириными.

Какая однако любопытная деталь. Не просто факт в копилку фактов, но некое подтверждение, что наша семья дей-

ствительно может полагаться на Алину, и её дружба не пустой звук.

– Не моё дело, конечно, но мне удивительно, как Ольга может быть Матерью, с таким-то характером.

– Она, конечно, очень упёртая, – согласилась Стефа, – и не любит признавать свои ошибки, но всё же она достаточно разумна и вполне справляется. Разум у неё отключается только в том, что связано с Милой. Но знаешь, что я тебе скажу – не думай, что там было так уж просто. Ты знаешь только одну сторону, но роль Милы я бы не стала преуменьшать. В том, что их отношения дошли до этого, есть и её вина. Нет, Ольга, конечно, далеко вышла за грань допустимого, я её не оправдываю. Я всего лишь хочу, чтобы ты не торопился судить.

– Ну, я-то всегда буду на стороне матери, – ответил я, – на какой ещё стороне мне быть? Тем более, родная бабка меня внуком не признаёт.

Стефа тяжело вздохнула, пробормотав что-то неразборчивое, но явно не очень лестное по отношению ко всем нам вместе взятым.

– Как тебя встретил Академиум? – сменила она тему.

– Болезненно. – Я машинально тронул ещё не до конца зажившую ссадину на голове и поморщился.

Стефа посмеялась.

– Ну а чего ты ждал? Боевую практику лучше не прогуливать, а если уж прогулял, то не плачь.

– Да я и не плачу, – хмыкнул я. – А ещё я ухитрился почувствовать летящий камень без колебаний Силы и построить щит волевым усилием. Менски возбудился и пообещал с этого дня устраивать мне трудную жизнь.

– О, неплохо, в самом деле неплохо, – оценивающе посмотрела на меня Стефа. – Я уже не первый раз в тебе обманываюсь, Кеннер. Мне всё кажется, что у тебя ничего не выходит, и что ты наглухо застрял, а потом вдруг оказывается, что ты далеко впереди. Вот почему так, а?

– Не знаю, – пожал я плечами. – Ну правда не имею понятия. Я вообще не ощущаю, что я где-то впереди.

– Волевое построение у студентов начинает получаться ближе к выпуску. Не у всех, только у лучших, которые аттестовываются на пятый ранг. Для второкурсника это невероятный результат, поверь. Его обязательно надо закрепить. Я попрошу Менски обратить на тебя особое внимание и обеспечить достаточную нагрузку. Возможно, я сама буду временами устраивать тебе дополнительную боевую практику.

Я закатил глаза. Похвастался успехом, называется.

Глава 4

Драгана Ивлич встретила меня радостной улыбкой и не поленилась выйти из-за стола мне навстречу.

– Здравствуйте, господин Кеннер, – тепло поздоровалась она. – Давненько вы ко мне не заглядывали.

Ну конечно, она же все глаза проглядела – где там Кеннер Арди, и почему он не заходит к ней поболтать по-свойски. Я даже не представляю, что могло бы вызвать у меня больше подозрений, чем такая вот приветливость от второго человека в княжестве. Но разумеется, никаких недоверчивых физиономий я изображать не стал.

– Здравствуйте, сиятельная Драгана, – я со смущённой улыбкой изобразил немного неуклюжий поклон. Не уверен, что у меня получится её дурить, но почему бы и не попробовать? Главное, не переигрывать.

– Ах, бросьте этот официоз, дорогой Кеннер, – махнула рукой Драгана. – Вы позвольте мне называть вас вот так, попросту?

– Конечно, сиятельная.

– Мы тут с Алиной собрались почаёвничать...

– Здравствуй, Кеннер, – слышалось сзади.

Я обернулся и увидел Алину, сидящую на диванчике в уголке отдыха и разглядывающую меня с ироничной улыбкой. Как неудачно получилось-то. Если я и дальше буду иг-

рать смущающегося подростка, я её только рассмешу – уж кто-кто, а Алина меня знает прекрасно.

– Здравствуй, Алина, – улыбнулся я ей, – рад тебя видеть.

– Ну так что, Кеннер, составите компанию старушкам? – с лёгкой игривостью спросила Драгана.

– С удовольствием посижу с вами, девушки, – согласился я.

– О, этот молодой человек умеет обращаться с женщинами, – засмеялась Драгана.

– А я тебе уже сколько раз говорила, Гана, что он совсем не прост, – заметила Алина.

– Да я это и сама теперь вижу, Лина. Присаживайтесь, Кеннер, вот сюда, на этот диванчик. Позвольте за вами поухаживать – вам покрепче?

– В меру, сиятельная. Спасибо.

Ещё несколько минут дамы говорили о чём-то своём, совершенно мне непонятном, а я с невозмутимой физиономией неторопливо пил чай, попутно пытаюсь сообразить, что им могло бы от меня понадобиться. Но скоро дело дошло и до меня.

– Я слышала, вы получили имперский титул, Кеннер? – вдруг спросила Драгана. – Поздравляю!

– Пустое, – махнул я рукой. – Нищее баронство, от которого больше хлопот, чем прибыли. Однако от него невозможно было отказаться, не оскорбив папу, так что теперь я барон. Но в любом случае это был подарок маме, а не мне.

Дамы понимающе покивали.

– Кстати о Миле – она опять исполнила свой любимый фокус? – то ли спросила, то ли констатировала факт Алина.

– Да похоже, что и впрямь любимый, – усмехнулся я. – Нас в Польше решили ограбить местные, ну и попались маме под горячую руку. Из-за грабителей поезд резко затормозил, и мама залила кофе какую-то ценную книгу. Тут-то она и разозлилась.

– Похоже, это была интересная поездка, – заметила Алина.

– Я бы так не сказал, – ответил я. – Было довольно скучно, с этой поездкой я только напрасно потерял кучу времени. Сейчас приходится нагонять с учёбой.

– Получится у вас хорошо сдать экзамены? – вступила в разговор Драгана.

– Уверен в этом, – ответил я без колебаний. – Не думаю, что для меня там будут какие-то сложности.

– И в самом деле, Лина, я как будто с Ренским разговариваю, – сказала Драгана, обращаясь к Алине. – Та же манера речи, и та же здоровая наглость.

– Я тебе постоянно об этом говорю, Гана, – отозвалась Алина. – А ты мне не веришь. Посмотри, он и на лицо вылитый Ренский.

– Да, да, я была неправа, признаю, – согласно кивнула Драгана. – Хотя внешнее сходство всё же не очень большое, по-моему. У Ренского черты лица были порезче, да и вооб-

ще лицо более волевое.

– Кеннер просто очень молодой, – отозвалась Алина. – Вот посмотришь на него лет через двести.

Я чувствовал себя изрядно неловко, слушая это обсуждение, но скорее всего, оно и велось с целью вогнать меня в смущение. Так что я с лёгкой полуулыбкой пил свой чай и смотрел на собеседниц с таким видом, будто сам вот-вот вступлю в разговор и тоже изложу мнение насчёт своего сходства с Кеннером Ренским.

– Скажите, Кеннер – а кто вам дал имя? – спросила Драгана. – Мать или Ольга?

– Я родился уже после того, как мать изгнали, – ответил я. – Не думаю, что Ольга как-то участвовала в выборе имени.

– Просто удивительно, как Мила угадала с именем, – покачала головой Алина. – Особенно если учесть, что прадеда она не застала.

– Может быть, Кеннер Ренский и подсказал, – неожиданно для себя ляпнул я какую-то чепуху.

Обе собеседницы уставились на меня с совершенно ошарашенным видом, только что рты не пооткрывали. Мысли у меня стремительно забегали. Что они услышали в моих словах? Никаких догадок насчёт того, почему моё бессмысленное замечание вызвало такую реакцию, мне в голову не пришло, так что я просто улыбнулся с загадочным видом человека, обладающего тайным знанием.

– Кхм, – наконец отмерла Драгана, – что мы всё не о том...

А скажите, Кеннер, какие у вас планы на лето?

Вот мы и подошли к цели встречи. Однако здорово я её выбил из колеи, что она вот так напрямик спросила. Явно же предполагалось подвести к этому незаметно, исподволь. За-смущать подростка до такой степени, чтобы он вообще перестал что-либо соображать, а там можно делать с ним что хочешь и выдавливать из него любые обещания.

– Планы у меня обширные, сиятельная, – ответил я. – Неотложных дел полно, так что летом мне вряд ли удастся отдохнуть.

– Дело в том, что мы готовим ещё одну экспедицию в ту пещеру, и у нас есть место для одного человека. Мы решили предоставить эту возможность вам. Вы себя хорошо проявили в прошлой экспедиции, и вам, как перспективному студенту, это будет очень полезно.

– С глубоким сожалением вынужден отказаться, сиятельная, – ответил я. – Я действительно буду занят делами семейства, и баронство здорово добавило мне забот. Если мне будет позволено дать совет – возьмите Ивана Селькова. Очень многообещающий студент, и ему это действительно нужно – в прошлую экспедицию у него не получилось спуститься вниз.

– Мы предпочли бы вас, – с нажимом сказала Драгана.

– Увы, не имею возможности, сиятельная, – развёл я руками.

Алина не вмешивалась в разговор. Казалось, всё её внима-

ние отдано исключительно миндальному печенью. Я, конечно, совсем не психолог, но смысл этой демонстрации понять несложно – по всей видимости, Алина не одобряет стиль, в котором Драгана решила построить разговор, вот и подчёркивает, что она в этом не участвует.

– Круг Силы в этом заинтересован, – продолжала настаивать Драгана. – Странно, что вы не хотите пойти ему навстречу.

– Ничего странного, сиятельная, – отвечал я с максимально простодушным видом. – Я же не Владеющий. Интересы Круга от меня далеки.

– Но вы же станете Владеющим.

– Хорошо, – покладисто согласился я, – давайте отложим этот разговор до того момента, когда я стану Владеющим.

Алина засмеялась.

– Гана, я же тебя предупреждала, что от этих твоих игр толку не будет. Кеннер, нам нужен именно ты. О контактах с крысами не должны знать лишние, и ты один из тех, кто знает.

– И что, из тех, кто знает, никого другого не нашлось?

– Все, кто знает, находятся здесь, – усмехнулась Алина.

– Что, только мы трое? – поразился я.

– Когда-нибудь придётся рассказать ещё кому-нибудь, но мы предпочитаем с этим не спешить, – вздохнула Алина. – Слишком опасное знание. Если об этой пещере станет известно, за неё все начнут воевать со всеми, и непонятно, чем

это кончится. Конечно, в конце концов найдётся какой-то компромисс, но лучше отложить этот момент как можно дальше. Так что экспедиция планируется из трёх человек.

– Но я всё равно не понимаю, зачем я нужен. Для того чтобы просто поторговать с крысами, вполне хватит одной тебя.

– Мы хотим не торговать, а попробовать спуститься ниже. А крыс нанять в качестве проводников, или хотя бы договориться с ними, чтобы они не мешали.

– Эта затея выглядит опасной, – заметил я. – И тогда тем более непонятно, чем я могу быть полезен. Я настолько слабее вас, что моё присутствие или отсутствие вряд ли на что-то повлияет.

– Там у нас образовалась проблема, – со вздохом ответила Алина. – Мы разместили в пещере недалеко от выхода отряд, который должен охранять пещеру от посторонних...

– Скорее, должен делать так, чтобы посторонние бесследно пропадали, да? – уточнил я.

– Можно и так сказать, – неохотно согласилась Алина. – Так вот: они ничего не знают о крысах. И однажды к ним вышли крысы, видимо, рассчитывая на торговлю, а те начали стрелять. К счастью, никого не убили, но крысы больше не появлялись. Мы считаем, что только у тебя есть шансы снова наладить контакт.

– Понятно... – задумался я. – Кстати, для меня есть ещё один неясный момент, сиятельная Драгана. Не странно ли

будет выглядеть, если глава Круга Силы вдруг сорвётся в какую-то непонятную экспедицию?

– С этим как раз всё просто, Кеннер, – ответила Драгана. – Мне давно пора куда-нибудь съездить. Высшие должны постоянно развиваться и совершенствоваться связь с миром, а не сидеть, закопавшись в бумагах. Храм Аспектов не может решить проблему полностью, поэтому время от времени каждая из нас должна путешествовать и вообще менять вид деятельности. Я уже давно пытаюсь уговорить Алину заменить меня.

– Алина же принадлежит роду, – удивился я. – Я полагал, что Совет Родов и Круг Силы если и не антагонисты, то всё же не настолько близки.

Мои собеседницы снисходительно заулыбались, как улыбаются взрослые, когда ребёнок лепечет какую-нибудь очаровательную глупость.

– Вы, в общем-то, правильно понимаете, Кеннер, – сказала Драгана. – Совет Родов и Круг Силы действительно не дружат, вот только их мелкие дразги Высших не касаются. Я надеюсь, в обозримом будущем Алина всё же сложит с себя Материнство, и я смогу переложить на неё груз руководства Кругом.

– Кеннер, ты нам действительно нужен, – заговорила Алина. – Мы не уверены, что нам удастся пройти крыс без тебя. Провальные экспедиции из-за них и потерпели неудачу. А у тебя, как оказалось, талант договариваться.

– Двое Высших не смогут пройти каких-то крыс? – усомнился я.

– Высшие вовсе не всесильны, что бы там ни воображали на этот счёт люди, – пожала плечами Алина, а Драгана согласен кивнула. – А на нижних уровнях концентрация Силы резко возрастает, и тамошние обитатели становятся серьёзной проблемой даже для нас. Там вообще всё по-другому. Огнестрельное оружие работает не очень надёжно, и металлы ведут себя странно.

Я надолго задумался. Дело выглядело очень опасным. Нет, мне, конечно, было бы интересно узнать, что там внизу, но я предпочитаю читать о таких вещах в книжках о путешествиях, а не узнавать их самому. Жизнь приключенца меня как-то не очень привлекает – я не юноша бледный со взором горящим⁷, и давно уже понял, что приключения в реальной жизни совсем не похожи на приключения в книжках. Да у меня и в самом деле было полно дел – не всё можно свалить на Зайку, да и за баронством стоило бы приглядывать повнимательнее, хотя бы на первых порах.

С другой стороны, если я скажу «нет», то это не останется без последствий. Отказ вне всякого сомнения отрицательно повлияет на мои отношения с Алиной, да и с Драганой Ивич тоже. А согласие наоборот, укрепит мою дружбу с Алиной, и поможет установить личные доверительные отношения с главой Круга. Опять же, посещение таких мест очень

⁷ Это строчка из стихотворения В.Брюсова «Юному поэту».

помогает в развитии Владеющего. Хотя с этим не вполне ясно – когда говорилось о полезности посещения, речь шла о верхнем уровне, а вот внизу всё может быть иначе.

– Насколько опасно для меня посещать места с такой концентрацией Силы? – спросил я.

– Для тебя практически безопасно, – ответила Алина. – Ты вообще понимаешь, что такое сродство с Силой?

– Не совсем, – покачал я головой. – Или, скорее, совсем не понимаю. Из тех, кого я спрашивал, никто сам не знал, а те, кто знал, объяснить не захотели.

Алина смутилась – похоже, вспомнила, что я её тоже спрашивал, но она просто отмахнулась, сказав что-то вроде «не бери в голову».

– Там на самом деле всё просто, – всё-таки решила она объяснить, – живые организмы обладают естественной защитой, некой аурой, которая не даёт Силе проникать внутрь клеток. Сила всегда давит на эту защиту, и если концентрация Силы высокая, человек начинает чувствовать себя плохо от этого давления. Ну а если Сила всё-таки продавливает защиту, то там получается много интересных эффектов, но речь сейчас не о том. Так вот, когда у тебя появляется сродство с Силой, твоя защита перестаёт задерживать Силу, потому что она больше не воспринимается как нечто чужеродное. Ну и Сила, в свою очередь, больше не пытается воздействовать на твои клетки. То есть вы с Силой признали друг друга родственными сущностями. Похожий механизм

воздействия у целителей – они пропускают Силу через себя и преобразовывают её таким образом, что она временно приобретает сродство с организмом больного.

– А почему ты сказала «практически безопасно»?

– Какой вы, однако, дотошный человек, Кеннер, – покачала головой Драгана. – Впрочем, все ваши вопросы уместны; я бы, пожалуй, и сама спрашивала бы то же самое. «Практически безопасно» было сказано потому, что мы не знаем, до каких пределов это безопасно. Мы никогда не имели дела с такой высокой концентрацией Силы, даже в Храме Аспектов она не так уж высока. Там ведь даже обычные люди могут находиться, хоть и плохо себя чувствуют. Но мы не собираемся рисковать – если мы почувствуем, что приближаемся к некоему опасному порогу, то дальше не пойдём.

Я снова задумался. На самом деле выбора-то у меня и нет. Есть люди в этом княжестве, которым я просто не могу отказать. Разумеется, если я хочу спокойно жить и чего-то здесь достичь. Моё положение во многом основывается на дружбе с Алиной Тириной, да и Драгана тоже может порядком испортить мне жизнь. Мстить за отказ никто из них, разумеется, не будет, но... но всегда есть «но».

– Я надеюсь, вы понимаете, что мне это совсем не нужно, и соглашаясь ехать с вами, я жертвую многими своими планами, – наконец, со вздохом сказал я. – Поэтому отнеситесь с пониманием, что у меня есть условия. Три, нет, четыре условия.

– Мы вас внимательно слушаем, – осторожно сказала Драгана.

– Во-первых, с нами поедет моя жена...

– Это совершенно исключено, – прервала меня Драгана.

– Это не моя прихоть, сиятельная, – пояснил я. – У нас очень сильная связь. Мы просто не можем расставаться надолго.

– Я думаю, что он прав, Гана, – подтвердила Алина. – Нам придётся взять Лену. Но у нас не будет с ней проблем, я готова за неё поручиться.

– Хорошо, принимается, – неохотно согласилась Драгана.

– Второе условие: из найденных или полученных артефактов вроде сатуратов мы с женой оба получаем по одной штуке каждого вида, по нашему выбору.

– Какой меркантильный молодой человек, – хмыкнула Драгана. – Хорошо, но не больше половины найденного. То есть, из трёх сатуратов вы получаете только один, а если будет найден только один, то вы не получаете ничего. И ещё: если будет найдено четыре или меньше, то вы получаете свои не по выбору, а жребием.

– Договорились, – откликнулся я. – Третье условие: нам нужны артефактные мечи. То есть Круг должен выделить нам по небольшому сатурату и оказать содействие в размещение этого заказа у кого-то из Старших ремесленников. Прочие материалы и работу мы оплатим сами.

– Зачем вам мечи? – с недоумением спросила Драгана. –

С кем вы там собрались фехтовать?

– Алина же сказала, что на огнестрельное оружие там полагаться нельзя, а нашего Владения хватит разве что на простые щиты.

– Всё равно, мечи – это как-то очень уж старомодно.

– Это лучше, чем оказаться совсем безоружным, – пожал я плечами. – И ради безопасности я не против выглядеть немного глупо, тем более что из зрителей там будут только крысы.

– Определённый резон в ваших словах есть, – согласилась Драгана. – Хорошо, я согласна.

– И наконец, последнее условие: у меня в баронстве есть группа лесных. Я хочу получить ваше содействие в сбыте их продукции.

– Шайка Ворона, – недовольно фыркнула Драгана. – Так и знала, что они хоть как-то, да вылезут. И какого рода содействие вы от меня ждёте?

– Не столько содействие, сколько непротивительство, – пояснил я. – Или хотя бы поиск разумного компромисса в возможном конфликте.

– Какого рода конфликт вы ожидаете?

– Алхимия, – коротко ответил я.

– Вы знаете вещи, которые вы знать не должны, – нахмурилась Драгана. – Откуда вы получили информацию?

– Моя мать когда-то упомянула, что в княжестве только двое Старших алхимиков, причём они заняты в основном

преподаванием и наукой. И когда я узнал, что лесные делают алхимию, мне стало совершенно ясно, откуда в княжестве столько высокой алхимии. И кто эту торговлю курирует.

– Лина, вот скажи мне – откуда они берутся, такие умные? – с раздражением спросила Драгана.

Алина только молча улыбнулась.

– Да, да, я помню, что ты мне всё это говорила не раз, – недовольно ответила Драгана на невысказанную реплику. – Зачем вам вообще надо связываться с алхимией, Кеннер? У вас что – нет другого способа заработать?

– Мне не остаётся ничего другого, сиятельная, – ответил я. – Если я не возьму дело в свои руки, люди Ворона сами начнут продавать алхимию кому попало, и когда это дойдёт до церкви, неприятности будут и у них, и у меня. Я хотя бы могу наладить сбыт нормально, учитывая и ваши интересы, и интересы церкви.

– Хорошо, Кеннер, я обещаю, что в случае конфликта наших интересов мы найдём какой-то устраивающий нас обоим компромисс. В любом случае, это вопрос не завтрашнего дня – основная часть растений входит в силу через десять лет или даже позже. У Ворона плантации ещё слишком молодые, вряд ли он сможет произвести хоть что-то раньше, чем лет через пять.

Интересная деталь. А Ворон даже не намекнул мне, что готовый продукт появится у него ещё нескоро. Но что-то мне подсказывает, что он обязательно попытается получить у ме-

ня заём под несуществующую алхимию.

– Это все ваши условия, Кеннер? – осведомилась Драгана.

– Да, сиятельная, – подтвердил я. – Надеюсь, вы не нашли их чрезмерными?

– Они выглядят приемлемыми, – признала Драгана. – В таком случае, мы с вами договорились. Готовьтесь двинуться в путь сразу после экзаменов. Которые вы, без сомнения, сдадите на «превосходно», – не преминула она слегка меня поддеть.

Глава 5

Януш Ожеховский, один из пяти Старших ремесленников княжества, самым высокоранговым не был – в Новгороде был ремесленник и восьмого ранга. Но Драгана заверила меня, что Ожеховский является гением во всём, что касается металлов, и именно он может выполнить мой заказ самым наилучшим образом. Как это нередко случается, к гениальности прилагалась лёгкая ненормальность и совершенно отвратительный характер. Для того чтобы в этом убедиться, мне хватило десяти секунд.

– Здравствуйте, господин Януш, – вежливо поклонился я, зайдя в его изрядно захламлённую мастерскую.

– Я занят, приходите через месяц, – рявкнул Ожеховский, не поднимая глаз и продолжая ковыряться в каком-то причудливом аппарате. Был ли этот прибор каким-то продвинутым инструментом или же конечным продуктом, понять было совершенно невозможно.

– Боюсь, что это неприемлемо, господин Януш, – ответил я. – Это срочная работа.

Ожеховский поднял на меня глаза, и скривившись, спросил:

– Вы кто ещё такой?

– Моё имя Кеннер Арди. Сиятельная Драгана должна была предупредить вас обо мне.

– Что-то такое она говорила, – брезгливо сморщив нос, сказал Януш. – Вечно у неё всё не вовремя. Ну что там у вас?

Мне стало совершенно ясно, что этот человек и в самом деле сумасшедший гений, над которым все трясутся. Иначе он бы просто не выжил, с такими-то манерами. Он же наверняка и с Драганой Ивлич так же разговаривает, а она вовсе не производит впечатление тихой девочки, которую можно обхамить, а она только выплечется в уголке.

– Мне нужно сделать две шпаги. Одну немного потяжелее, а вторую чуть полегче.

– Я вам что – кузнец-оружейник?

– Артефактные шпаги, – уточнил я. – Сиятельная Драгана должна была предоставить для этого два сатурата.

– Этим сатуратам я могу найти и более полезное применение, – фыркнул он. – Ну хорошо, я уже вижу, что вы не отвяжетесь. Что вы от этих самых шпаг хотите? Судя по тому, что для этого понадобились сатураты, в планах у вас нечто фантастическое.

– Я не совсем понимаю тонкости Ремесла, – признался я, – и предпочёл бы посоветоваться об этом с вами. Но вообще-то моя идея состоит в том, что эти шпаги должны как-то развеивать конструкторы.

– Развеивать конструкторы? Вы вообще хоть что-то знаете о Силе, молодой человек?

– Я студент Академиума, – ответил я.

– Какой чудовищный упадок уровня образования, – пе-

начально покачал головой Ожеховский. – И на каком же факультете вы учитесь? Только не говорите, что на ремесленном, умоляю.

– Я учусь на втором курсе боевого факультета.

– Ах, боевой факультет! – понимающе кивнул Януш. – Знаю, знаю. Это там, где часто и сильно бьют по голове.

– Не только по голове, – вежливо уточнил я.

– Сочувствую, – буркнул тот. – Впрочем, я полагаю, за этим вы туда и поступали.

– Не совсем за этим, – вздохнул я. – Но не студентам решать, как строить учебный процесс, увы.

– Ну ладно, – снисходительно махнул рукой Ожеховский, – это неважно. В конце концов, каждый сам решает, что ему нужно. Разумеется, боевой факультет объясняет отсутствие элементарных знаний. Так вот, молодой человек, если вы возьмёте шпагу или ещё какую-нибудь острую железку, и ткнёте ей в кирпичную стену, то она эту стену не развее. Разве что чуть поцарапает. Хотя по вашей логике, если и то, и то состоит из материи, то стена должна тут же исчезнуть.

– То есть невозможно сделать такое оружие, которым можно было бы повредить формирующийся или уже сформированный конструкт?

Ожеховский надолго задумался, выбивая пальцами на своём аппарате какой-то сложный ритм.

– В том виде, как вы это себе представляете – невоз-

можно, – наконец сказал он. – Не получится создать такое устройство, которым можно просто махнуть, и конструкторы вокруг исчезнут. Варианты, впрочем, есть, но проблема в том, что для этих вариантов нужно как минимум быть способным к волевым построениям, а для студента-второкурсника это... сами понимаете.

– Вообще-то, мы с женой владеем волевыми построениями, – заметил я. – Пока не очень уверенно, и ограничиваемся простыми щитами, но всё же владеем.

У Ленки практически сразу после меня тоже начали получаться волевые построения, и она быстро меня нагнала, а вполне возможно, что и перегнала.

– Это меняет дело, – задумчиво сказал Ожеховский. – Пожалуй, я и в самом деле смогу сделать что-то подобное. Хотя пока точно не знаю, что получится. И какую, вы говорите, форму вы хотите для этого инструмента?

– Классическую шпагу.

– И как она выглядит? – поднял бровь Януш. – Выражайтесь яснее. Почему я должен знать, что это такое?

Может быть, потому, что ты дворянин, нет? Даже если ты сам этим не интересуешься, у тебя наверняка есть дети, которые унаследовали дворянство, и которым это знать необходимо – они-то наверняка не эксцентричные гении, которым всё прощается. Новоиспечённых дворян, которые не следуют дворянским обычаям и традициям, принято называть «дворянами из коровника», и им неизбежно приходится посто-

янно терпеть насмешки. В среде дворянства отношение к таким вот недодворянам не в пример хуже, чем к крестьянам или мещанам, и дворянства их лишают сразу же, как только появляется подходящий повод. Впрочем, я делаю слишком много допущений – может быть, у него и нет детей, а может, он в своё время отказался от дворянства. В любом случае, это не моё дело.

– Это узкий прямой меч, которым можно рубить и колоть, – пояснил я, разворачивая свёрток с нашими шпагами. – Вот наши шпаги, с которыми мы в основном и тренируемся. Желательно сделать что-то полностью повторяющее их форму, и с тем же распределением веса.

– Слишком узкие, – безапелляционно заявил Ожеховский. – И вообще, зачем вам эти острые железки? Почему не выбрать более удобный вариант? Посох или ещё что-нибудь?

Ага, настоящую волшебную палочку, как у Гарри Поттера, и безжалостно тыкать ею врагов. А они будут хохотать и вяло отмахиваться.

– Нам нужно оружие, – терпеливо пояснил я. – Оперировать одновременно шпагой и посохом будет несколько затруднительно.

– Пусть так, – пожал плечами Ожеховский, – но как бы то ни было, я ничего не смогу сделать с таким узким клинком. Он нас собрался гладиусами вооружить, что ли?

– И в чём там проблема? – вздохнув, спросил я. – Нас, конечно, учили обращаться с разным оружием, но лучше всего

мы владеем именно классической шпагой. С мечом другого вида мы вряд ли сможем обращаться так же уверенно.

– Ну вы же собираетесь сатурат вставить в рукоятку, а не в конец клинка, так? Стало быть, внутри клинка необходимо проложить каналы с силовым наполнителем достаточной ширины. И желательно как можно меньшей длины.

– А клинок не будет слишком слабым?

Януш презрительно фыркнул:

– Для клинка я выращу цельный монокристалл с последующим обжатием. С прочностью всё будет хорошо. Такой монокристалл будет в несколько раз прочнее стали.

– А можно ли сделать их самозатачивающимися, ну и самовосстанавливающимися? – вспомнил я волшебные мечи из фэнтези. Поскольку офисный хомячок – типичный главный герой фэнтези, брал меч в руки первый раз в жизни и об уходе за оружием не имел ни малейшего представления, самозаточка была важнейшим свойством любого героического меча. Иначе он быстро превращался в обычный ломик.

– Хм, интересная идея, – задумался Ожеховский. – В теории я не вижу здесь каких-то непреодолимых препятствий, так что если хватит насыщенности сатурата, то можно будет попробовать.

– А мономолекулярная режущая грань? – осторожно предложил я ещё одно волшебное свойство.

– Молодой человек, не заставляйте меня думать об интеллекте студентов боевого факультета ещё хуже, чем я думаю

сейчас. Вы имеете хоть какое-то представление о том, что такое молекула?

– Имею, – подтвердил я.

– Тогда вы должны знать, что энергия единичной молекулярной связи недостаточна для обеспечения минимальной прочности. Такое лезвие сомнётся, вместо того, чтобы резать. Даже если вы попытаетесь отрезать им кусок масла. Да и в кристаллическую структуру такое лезвие не встроить.

Действительно, до этого я и сам мог бы додуматься. Может, нам и в самом деле слишком много стучат по голове?

– Вы совершенно правы, господин Януш, – признал я. – Давайте вернёмся к вопросу о клинке. Мы можем попробовать другую форму меча, например, какую-то вариацию римской спаты, но хотелось бы знать минимальные и максимальные размеры, с которыми вы могли бы работать.

– Я подумаю, – поколебавшись, ответил Ожеховский. – Мне нужно произвести расчёты, чтобы понять, в какой форме возможно реализовать ваши запросы, и возможно ли это вообще.

– Хорошо, – согласился я. – Когда у вас будут готовы требуемые размеры, я подберу что-то подходящее из мечей и изготовлю для вас натурный образец. И ещё один вопрос, если позволите: поскольку работу и материалы я оплачиваю сам, мне бы хотелось получить какое-то представление о стоимости.

– Рассчитывайте примерно тысяч на тридцать гривен за

каждый. Возможно, больше, но никак не меньше.

– Ого! – не смог сдержать эмоций я.

– А что вы хотели, – пожал плечами Ожеховский. – Это уникальные изделия.

Да-да, волшебный меч героя, я помню. В приличных книжках его вручает герою добрый волшебник и не просит никакой платы. Герою даже не обязательно говорить спасибо. Но где они, те добрые Гэндальфы из приличных книжек? У здешних волшебников такие ценники, что они легко и князя по миру пустят.

* * *

База дружины менялась просто на глазах – я видел что-то новое каждый раз, когда сюда приезжал. Вот и сейчас по правой стороне уже наполовину возвели новое здание с длинным рядом высоких боксов.

– Это что будет, не знаешь? – любопытствовал я, посмотрев на Зайку.

– Как я могу этого не знать? – вздохнула она. – Из-за этой затеи Станислава нам пришлось переделывать весь бюджет. Ему непременно понадобились сверхтяжёлые бронеходы для отдельной группы качественного усиления. Мы заказали в империи дюжину, а когда их доставили, выяснилось, что они не лезут в стандартные боксы. Вот и пришлось срочно строить для них отдельное здание.

– А, ну это дело нужное, – кивнул я.

– Конечно, нужное, – саркастически отозвалась Зайка. – А деньги ерунда, чего их считать. Мы же их с деревьев срываем. Как новый урожай поспеет, просто наберём сколько нужно.

– Это очень хорошо, что ты начала относиться к работе с юмором, – усмехнулся я. – А то ты обычно такая серьёзная, что я за тебя тревожусь. Ладно, пойдём поищем Станислава.

Станислав нашёлся на тестовой полосе. Он в задумчивости ходил вокруг странного аппарата в сопровождении пары механиков в замасленных спецовках, которые ему что-то горячо доказывали, размахивая руками.

– Здравствуйте, воины, – поздоровался я. – О чём спорим?

– Здравствуйте, господин, – вышел из задумчивости Станислав. – Парни с последнего контракта трофеи привезли, четыре штуки вот таких. Вот и думаем, что с ними делать.

Аппарат явно был бронеходом, но выглядел странно. Ростом он был раза в два ниже обычного лёгкого бронехода, и брони на нём было совсем немного. Ноги у него были коленками назад, как у кузнечика, а в руках никакого вооружения не было, и они, похоже, служили только для поддержания равновесия. Зато на самом верху торчали стволы сдвоенного лёгкого пулемёта.

– Блоха какая-то, – с недоумением высказался я.

– Прямо в точку! – засмеялся Станислав. – Блоха и есть.

Это чудо называется «Буур», в переводе с хазарского «Блоха». Из каганата аппарат. Сотня Светана на каганатский отряд наткнулась, ну и повоевали с ними.

– Успешно, как я понимаю?

– Конечно, успешно. Что эта сикарашка может сделать против нормального бронехода, пусть самого лёгкого?

– А в чём её смысл вообще? Я что-то не понимаю, как её можно применять.

– Ну, кое-какой смысл в ней всё-таки есть, – сказал Станислав. – Она быстрая очень. И умеет прыгать, саженой на десять может скакнуть. Ребята говорят, попасть в неё почти невозможно, когда она по полю скачет как бешеная. Бронеходу её винтовочный калибр ничего не сделает, конечно, а вот пехоту несколько таких блох могут хорошо прижать.

– И как они справились?

– Так у нас же полный комплект Владеющих, – засмеялся Станислав. – По этим блохам даже стрелять не стали. Девчонки их обездвигили, а парни подошли и пилотов выковыряли.

– Ну и что это за боевая машина в таком случае? – не понял я. – Какой с неё толк?

– Если против дружины вроде нашей, то толку никакого, только рассмешить. А если, допустим, отряд без Владеющих, вроде тех же рысей, то эти прыгуны весь отряд в десять минут положат. Для маленьких отрядов интересный вариант, и стоит недорого. А ещё интересно – каганатские от-

ряды обычно состоят только из парней, женщин они в принципе не берут. А вот для этих попрыгаек специально подбирают миниатюрных женщин.

– У них же вроде матриархат? – заинтересовался я. – И мужчины по гаремам сидят.

– Нет, там всё не так просто, – засмеялся Станислав. – Это у белых хазар так устроено, у верхушки. У аристократок или Владеющих каганатских – у них и матриархат, и гаремы есть. А у народа, у чёрных хазар, никакого матриархата. И никаких гаремов.

– Интересно как, – удивился я. – У одного и того же народа так обычаи различаются?

– Да там ещё вопрос, один ли это народ или два разных. Они между собой не особо пересекаются, у них даже боги разные – белые Яхве поклоняются, а у чёрных какие-то свои степные боги. Если в чёрной семье обнаруживается ребёнок одарённый, то его сразу из семьи забирают в белые хазары – девочку на обучение в интернат, а мальчика в гарем. Вот, кстати, ещё вопрос – что нам с этими пилотами делать? Девчонки-пилоты, которые на этих блохах прыгали, к нам просят. Говорят, им без машин деваться некуда, их после такого никто никогда не наймёт.

– Так они-то чем виноваты? – не понял я. – Что они могли сделать против Владеющих?

– У них это как-то с богами связано. Вроде как Тенгри показал им свою неблагосклонность, и если их нанять, то это

на весь отряд перейдёт. Тенгри – это их бог солнца и неба, вроде нашего Хорса.

– Ну, в принципе, почему бы и нет, – немного подумав, ответил я. – Проще их взять, чем своих пилотов готовить. На эти машины ведь и инструкторов непонятно где брать. Надо только их с эмпатом проверить, что они зла не держат, и мстить не собираются.

– А нам эти блохи вообще нужны?

– Для боя не нужны, конечно. А вот для патрулей могут оказаться в самый раз. Они же быстро бегают?

– Быстро, – кивнул Станислав.

– Ну вот. Поставить дополнительно ночные визиры, и отличная машина получится для охраны нашего поместья, например. Да и вообще, мне кажется, это почти идеальный вариант для патрулирования и разведки.

– Давайте попробуем, – с сомнением сказал Станислав, – может, и вправду пригодятся.

– Вот и порешили, – подвёл итог я. – Пойдём в штаб, надо нам с тобой и Кирой обсудить вопрос увеличения дружины. Как, какими темпами, в какой последовательности, всё такое.

Мы не торопясь двинулись к главному зданию сквозь деловитую суету дружинников. Зайка хмурилась, что-то про себя подсчитывая.

– Намного увеличивать планируете, господин? – с интересом спросил Станислав.

– Намного сразу всё равно не получится, – ответил я. – Сколько у нас сейчас ратников, если без вспомогательных подразделений? Шестьсот? Семьсот?

– Примерно так, – подтвердил Станислав.

– У нас предельный размер дружины князь установил в одну тысячу⁸, вот и будем разворачивать до максимального штата тысячи. То есть без подразделений обеспечения до тысячи пятисот – тысячи шестисот ратников.

– И где мы возьмём денег на всю эту ораву? – мрачно осведомилась Зайка. – К вашему сведению, Вольная гильдия не в состоянии предоставить нам достаточного количества контрактов даже для нашей текущей численности. Мы не можем брать дёшево, а столько дорогих контрактов у них просто нет. Даже сейчас дружина не зарабатывает деньги, а тратит. А вы хотите увеличить её чуть ли не втрое! Лично я считаю, что нам вообще дружина не нужна, мы вполне можем обойтись без неё.

– Какая прогрессивная идея, – поразился я.

Вне всякого сомнения, прогрессивная, но не такая уж оригинальная. Приходилось мне слышать подобные идеи. Помнится, среди пены времён перестройки вылезло немало тех, кто рассказывал, что армия нам не нужна, поскольку демократии по своей природе миролюбивы, и нам совершен-

⁸ В данном случае «тысяча» – это не численность, а воинская часть. В зависимости от состава и комплектации подразделений, в тысяче может быть и пятьсот ратников, и полторы тысячи.

но никак не угрожают. Нужно просто распустить армию и влиться в демократическое сообщество наций, а дальше всё будет хорошо. Истории эти особого успеха не имели, зато сослужили добрую службу самим рассказчикам – когда мода на юродивых у нас схлынула, эта публика стремительно эмигрировала и неплохо там устроилась, рассевшись по разным аналитическим центрам.

– А ты знаешь, Кира, какая самая большая несправедливость на свете? Это когда деньги находятся в чужом кармане, а не в твоём. Так вот, если мы вдруг избавимся от дружины, эту несправедливость кинется исправлять сразу столько народа, что нас просто затопчут.

Станислав заржал. Кира покраснела, но продолжала настаивать на своём:

– У нас есть сиятельная Милослава. С ней никто не рискнёт связываться.

– С ней не рискнёт, – согласился я. – А с нами запросто. Кира, ей никто не позволит вмешиваться. Ведь у тех, кто к нам придёт, тоже могут быть Высшие, и они не станут спокойно смотреть, как их людей убивает другая Высшая. Последняя война с участием Высших, в которой погиб Кеннер Ренский, обошлась княжеству так дорого, что больше такого никто не позволит. Высшую, которая вознамерится поводить, сами же Высшие и прихлопнут. Вспомни, что в конфликте с Лесиными у нашей матери была веская причина вмешаться, и она была в своём праве, но князь, тем не менее,

ей этого не позволил и предпочёл сам завершить конфликт.

Зайка посмотрела на меня с недоверчиво-скептическим выражением.

– Зря ты мне не веришь, – сказал я в ответ на её взгляд. – Я, конечно, немного упростил, но в целом дело обстоит именно так. Нашей матери не позволят вмешаться в простой конфликт, основанный на экономических причинах. Вышние – это слишком мощное и опасное оружие. Для всех опасное. И кстати, на них у князя тоже найдётся управа, можешь в этом даже не сомневаться.

Жаль, что я не могу привести ей пример с ядерным оружием, аналогия здесь очень точная. Если у тебя есть ядерное оружие, то к тебе не прилетят демократические самолёты с гуманитарными бомбардировками – даже если у тебя есть нефть, и вообще есть что отобрать. Это серьёзная гарантия безопасности. Но при этом было бы полнейшей глупостью положиться на эту гарантию и распустить армию. Ядерная бомба – это оружие устрашения, которое никогда не должно использоваться. Для обычного конфликта оно не годится.

– Пусть так, – не смутилась Зайка. – Значит, нас князь защитит. Тем более, он нам это обещал.

– Кира, ты так и не разобралась, как княжество устроено, – укоризненно попенял ей я. – Я понимаю, что у тебя времени совсем нет, но хотя бы основы понимать надо. Мы не можем просить князя защитить нас. Дворянство может говорить с князем на равных только тогда, когда само реша-

ет свои проблемы. Если наши проблемы решает князь, то он и становится нашим хозяином, а мы его слугами. Поэтому дворяне обращаются к нему только как к независимому арбитру. Князь никогда и никого не защищает сам, он может лишь дать право на защиту. Политическая система княжества основывается на балансе сил и интересов, и дворяне с дружинами – это очень важный элемент стабильности. Сам князь это очень хорошо понимает, и многое сделал для того, чтобы ни один центр силы в княжестве не приобрёл слишком большого влияния – включая, кстати, его потомков. Поэтому он никогда не станет открыто защищать нас, чтобы он там ни обещал. Да он и не обещал ничего на самом деле, вспомни его слова: «Я гарантирую, что любые конфликты, связанные с тобой, я буду разбирать лично». Где тут обещание защиты?

– Тогда мы опять возвращаемся к вопросу: где взять деньги? – хмуро заметила Кира.

– Где-то придётся взять, будем думать, – пожал я плечами. – Кира, дружина нам необходима, и размер дружины должен соответствовать уровню влияния и богатства семейства. Тот, кто не желает кормить свою дружину, будет кормить чужую.

– Отлично сказано, господин, – восхищённо сказал Станислав, – лучше и не скажешь. Можно вас при случае процитировать?

– Можно, конечно, – ответил я, – только это не мои слова.

Это у франков один король так сказал⁹. А тебе я могу сказать, что ты начал слишком свободно относиться к бюджету. Кира ведь права, что деньги мы не с деревьев собираем. Она напряжённо трудится, чтобы ты ни в чём не испытывал недостатка, а ты к этому относишься совершенно без уважения. Как так получилось, что ты заказал бронеходы, для которых у нас нет боксов?

Станислав смущённо молчал, а Зайка отвернулась, чтобы не показывать довольную улыбку.

– В общем, я жду от тебя рапорт с причинами и выводами. И чтобы подобное было в последний раз.

– Моя вина, господин, – отозвался Станислав. – Рапорт будет, и выводы мы сделаем.

– А что касается денег, – продолжил я, – предлагаю создать ещё один вольный отряд, в котором будет служить наша молодёжь, под руководством ветеранов, разумеется. Контракты они будут брать недорогие, но их хватит, чтобы более-менее себя обеспечивать. Ну и опыта будут быстрее набираться.

– Хорошее решение, господин, – кивнул Станислав, – я с вашего разрешения, этим займусь.

– И займись этим немедленно, Станислав, – ответил я. – У нас уже есть прямой контракт от баронства Раппин на охранную службу, и люди туда нужны прямо сейчас. Поговори с

⁹ Фраза «Народ, который не желает кормить свою армию, будет кормить чужую» приписывается Наполеону Бонапарту.

Эриком – рыси много работали по охранным контрактам и хорошо разбираются во всех тонкостях. Попроси его помочь с наставниками. И заодно этих блох туда отправь, пусть их там как следует испытают. По результатам и посмотрим – если хорошо себя проявят, закупим пару десятков для патрульной службы. Да и Эрик наверняка заинтересуется.

– А баронству будет чем оплачивать контракт? – скептически спросила Зайка.

– А мы дадим ему беспроцентный заём, – улыбнулся я.

Зайка демонстративно закатила глаза и тяжело вздохнула.

– Кира, не драматизируй, – укоризненно сказал я. – Заём тысяч в триста-четыре, к тому же растянутый года на три, нас никак не напряжёт. А лет через пять-семь баронство будет давать доход, сравнимый с доходом от наших заводов.

Зайка заинтересованно на меня посмотрела.

– Потом, всё потом, – улыбнулся я ей. – Это разговор на-долго, сейчас не то время и место, чтобы это обсуждать.

Глава 6

Открытие зеленой лавки от баронства Раппин произошло на удивление без проблем. Ну, почти без проблем. Кире удалось найти прекрасное помещение в престижном месте, чуть ли не у стен Детинца¹⁰, правда, и цену за него содрали совсем не рыночную. Есения Жданова сумела подобрать идеального управляющего – педантичного, исполнительного и не слишком умного, то есть такого, который будет делать в точности то, что сказано, и ни за что не станет проявлять дурную инициативу. В общем, поначалу всё шло прекрасно.

Проблема случилась с названием. Сколько бы я ни пытался что-нибудь придумать, в голову всё время лезла какая-то чушь вроде «Дары природы» или «Овощи-фрукты». Ярослав Сёмин, новый управляющий лавкой, после упорных размышлений разродился названием «Превосходные плоды». Я вежливо поблагодарил его за интересный вариант. Ну а что тут скажешь? Сам же хотел не очень умного...

Управляющий Леннарт Фальк, который приехал на открытие лавки в качестве представителя баронства, с эстонской основательностью обдумал вопрос и выдал название «Огород тётушки Ыйе». Я сдержанно похвалил его идею, а про себя твёрдо решил, что больше никого спрашивать не

¹⁰ В русских городах крепость обычно называется кремлём, а в Новгороде это детинец.

буду. Придумаю сам, и пусть это будет что угодно, да хоть «Фруктовый рай».

Довольно долго я примеривался к названию «Груша, персик, две хурмы», но всё же решил, что этот вариант не настолько уж хорош. В конце концов, отчаявшись выдавить из себя хоть что-то приемлемое в садово-огородной тематике, я назвал лавку «Кролик и козочка». На вывеске эти животные довольно наглого вида стояли на задних ногах и лапах, облокотившись об огромный кочан капусты. Художник прекрасно справился с задачей – зрителю сразу становилось понятно, что эти ели, едят, и есть будут.

– А позвольте вопрос, ваша милость, – спросил Фальк, с некоторым изумлением разглядывая вывеску, – эти животные намёк на нас или же на покупателей?

– Какая разница, почтенный? – отозвался я. – Кругом козлы... – После недавней боевой практики у меня болело практически всё, и настроение было соответствующим.

Знакомство Леннарта с русской идиоматикой было явно недостаточным, так что философский смысл ответа от него ускользнул. Но дальше расспрашивать начальство, которое явно было не в духе, он не решился, и на том обсуждение закончилась. Ничего, скоро все к этому названию привыкнут, а потом оно им, возможно, и понравится.

За несколько дней до торжественного открытия лавки случилось ещё одно происшествие, плана скорее комического. Мы с управляющим согласовывали последние детали

оформления и сценария открытия, и в самый разгар обсуждения в лавку ввалилась пара личностей с совершенно бандитскими рожами.

– Кто в лавке главный? – сразу перешёл к делу тот, который пострашнее.

Я с интересом посмотрел на эту парочку, на моего водителя-телохранителя Демида, зашедшего следом, и показал на Сёмина. Сёмин промышчал что-то нечленораздельное.

– Кому платишь, купчина?

– А? – тупо переспросил управляющий.

– Защиту тебе кто даёт? – снисходительно уточнил посетитель.

– Семейство Арди, – Ярослав наконец уловил суть происходящего.

– Ты, торгаш, нам тут мозги не парь, – вступил в разговор второй, выглядящий немного интеллигентнее или, точнее, менее зверовато. – Арди с мелкой лавкой дела иметь не станут, ты бы ещё князя приплёл. Короче, за своё враньё платить будешь по повышенной ставке.

Сёмин беспомощно посмотрел на меня. Всё это, конечно, выглядело очень весело, но с цирком и в самом деле пора было кончать.

– Демид, – сказал я, кивнув на парочку.

Демид достал пистолет, взвёл курок и деловито спросил:

– Пристрелить их, господин?

– Если будут дёргаться, то стреляй, конечно, – ответил я. –

А так пока не надо. Плохая реклама получится, если люди увидят, что мы из лавки трупы выносим.

– Э, вы чего в натуре? – забеспокоился интеллигентный.

– Рот закрой, – ласково посоветовал ему Демид. – Оба к стене, руки на стену, ноги пошире. И лучше не злите меня. Убивать вас не буду, раз господин не велит, но прострелить что-нибудь могу запросто.

Прозвучало это достаточно убедительно, так что парочка без лишних слов сделала что велено. Демид их быстро обхлопал и с удовлетворением заметил:

– А посмотрите, господин – они сами знают, как надо к стене вставать, позиция хорошо отработана. Видно, эти парни со стражей уже не раз дело имели.

– Да у них только на рожи посмотреть и сразу всё ясно становится, – хмыкнул я. – Почтенный Ярослав, в таких случаях нужно просто давать номер телефона Антона Кельмина, а он уже разберётся со всеми запросами. Итак, уважаемые – кто вы и откуда?

– Вопрос слышал? – Демид ткнул пистолетом ближайшего. – Отвечай быстро, а то для начала палец сломаю.

– Ращепские мы, – угрюмо ответил тот.

– Где Ращеп¹¹, а где центр, – удивился я. – Здесь-то вы что делаете?

¹¹ В нашем мире Ращеп – это маленькая деревня рядом с Новгородом, но Новгород Кеннера гораздо больше размером, и она давно стала городским районом. Впрочем, и там это захолустье.

– В центре лавки общие, – пояснил тот. – Кто первый лавку забил, тот и доит.

– Забил и доит, говоришь? – задумчиво повторил я. – Почтенный Ярослав, а наберите-ка Кельмина и подайте мне телефон.

Кельмин был на месте и ответил сразу.

– Здравствуй, Антон, – поздоровался я. – У меня к тебе вопрос: кто такие ращепские? И что у них из собственности есть?

– Здравствуйте, господин, – отозвался Антон. – Есть там в Ращепе небольшое братство. По собственности прямо вот так сразу не могу ответить, но не думаю, что у них что-то есть. Это голодранцы, они в основном мелких лавочников данью обкладывают. А к чему вопрос, могу я спросить?

– Вот пришли от них меня данью обкладывать. Видимо, отнесли меня в категорию мелких лавочников.

– Хороший анекдот, – засмеялся Кельмин. – Что делать с ними прикажете? Как с Тверским?

– Нет, как с Тверским не стоит, пожалуй, – поразмыслив, сказал я. – Князь и тогда был недоволен, а эти ведь даже и не порушили ничего. Ещё можно было бы на этот счёт подумать, если бы у них было какое-нибудь интересное имущество, но сам же говоришь, что голодранцы. В общем, я этих придурков сейчас отпущу, а ты побеседуй с их главным. Намекни ему как-нибудь доходчиво, что если лавка от баронства Раппин, а меня зовут Кеннер Арди барон фон Рап-

пин, то это, скорее всего, неспроста, и возможно, тут есть какая-то связь.

– Сейчас пошлю парней пригласить его на беседу, – согласился Антон.

– И знаешь, что ещё, Антон – похоже, я здорово недооценил людскую глупость. Не удивлюсь, если найдутся ещё желающие меня данью обложить. Так что пусть в лавке некоторое время посидит Дрёма с парой парней, пока до самых тупых не дойдёт. Убивать никого не надо, пусть просто ломают руки-ноги, а потом отвозят в бесплатную лечебницу.

На том история закончилась, и о новых визитах я больше не слышал. Впрочем, особо я этим не интересовался – торжественное открытие заняло всё моё внимание. Вообще-то открытие лавки новость для столицы настолько ничтожная, что может заинтересовать разве что жителей соседних домов, но как всегда, важны нюансы. Известие, что семейство Арди открывает зеленую лавку – (простите, дорогая, что вы сказали? мне послышалось – ха-ха, – «зеленую лавку»), – вызвала скандал и широко обсуждалась в свете. Разумеется, ни у кого и мысли не возникло, что это будет обычная зеленая лавка – если уж аристократическое семейство начинает торговать огурцами и укропом, то публика резонно ожидает чего-то из ряда вон выходящего. Вот все и гадали, что же там будет такого выдающегося.

Чтобы подогреть ажиотаж ещё больше, за неделю до открытия мы начали рассылать образцы продукции в краси-

вых подарочных корзинках вместе с пригласительными билетами на приём по случаю открытия. Сам по себе приём, который устраивает захудалое ливонское баронство по случаю открытия зеленой лавки, вряд ли мог бы привлечь внимание света, но подпись в пригласительном «Кеннер Арди барон фон Раппин» самым коренным образом меняла дело. Если в империи имел значение только мой баронский титул, а фамилия Арди не значила ровным счётом ничего, то в княжестве дело обстояло в точности наоборот.

Словом, разогрев публики был организован с использованием всех мыслимых трюков маркетологов, и результат не замедлил сказаться – на приём по случаю открытия маленькой зеленой лавки собралось столько благородной публики, сколько собирается далеко не на всякий приём какого-нибудь аристократического семейства. В дополнение к приглашённым, туда умудрилось как-то проникнуть целая толпа корреспондентов. Кормить их мне совсем не хотелось – они как саранча, сожрут всё в округе, но никакой благодарности при этом не почувствуют и напишут какой-нибудь бред, а то и просто обругают. Смысла улаживать их нет ни малейшего. У меня была даже мысль приказать охране выловить и выставить их, но потом я махнул рукой. С нашими ценами на зелень газетная реклама, нам, конечно, ни к чему, но может, будет и от писак какая-нибудь польза.

Приём шёл своим чередом. Играл камерный оркестр, официанты разносили напитки, симпатичные девушки, на-

ряженные в костюмчики козочек и крольчих, угощали всех овощными и фруктовыми салатиками. Я переходил от одной группы гостей к другой, пока наконец меня неожиданно не зажала в углу стоя стервятников пера.

– Господин Кеннер, вы не могли бы ответить на несколько вопросов?

– Не вижу возможности этого избежать, – развёл я руками. – Но только при условии, что вы не станете искажать мои ответы, как вы обычно любите делать.

Писаки поулыбались. У них же это излюбленный спорт – превратить ответ в нечто противоположное, вырвав его из контекста. Впрочем, когда дело касалось Арди, журналиги врать опасались, и в целом вели себя прилично. Героическая гибель на дуэли Самуила Катцеля, бывшего редактора «Голоса гражданина», пока ещё не забылась.

– «Деловая жизнь». Скажите, господин Кеннер, что побудило вас стать купцом?

– А с чего вы взяли, что я стал купцом? – удивился я. – Лавку открывает баронство Раппин, а не я. Я всего лишь взял на себя труд представить её новгородскому обществу.

– Но вы же и есть владелец баронства?

– Позволю себе привести такой пример: наше княжество регулярно распродаёт излишки зерна со складов княжеского резерва, но это не делает нашего князя купцом. Вот и я тоже не путаю свои деньги с бюджетом баронства. Баронство будет продавать в этой лавке продукцию, полученную от под-

данных, а вырученные деньги пойдут в бюджет баронства и будут тратиться на строительство, здравоохранение, образование – по сути, они пойдут обратно тем же самым подданным. Заметьте также, что эта лавка не пользуется налоговыми льготами, имеющимися у нашего семейства. Она зарегистрирована как иностранное предприятие, и будет платить княжеству все полагающиеся налоги.

– «Светский курьер». Господин Кеннер, то есть вы хотите сказать, что ваше семейство не имеет никакого интереса в этой лавке?

– Смотря что вы понимаете под интересом. Как барон фон Раппин, я, разумеется, заинтересован в процветании баронства, так что какой-то опосредованный интерес у меня имеется. Кроме того, семейство Арди заключило с баронством Раппин договор протекции и взяло на себя охрану данного предприятия. Договор заключён на стандартных условиях и должным образом зарегистрирован в Дворянском совете.

– И вы хотите сказать, что лавка Арди в самом деле нуждается в охране?

– Лавка баронства Раппин, если позволите, – поправил я. – Да, нуждается, и мы в этом уже успели убедиться. Лавка только готовилась к открытию, а туда уже заявили представители преступного братства с требованием дани.

Репортёры оживились.

– Сколько трупов? – выкрикнул кто-то.

– Каких трупов, о чём вы вообще? – не понял я. – Мы объ-

яснили бандитам, что подобные действия являются незаконными, и они признали нашу правоту. В результате они отказались от дальнейших противоправных поступков, по крайней мере, в отношении данного предприятия. Но к сожалению, это не единственные преступники в Новгороде, так что в обозримом будущем баронство не планирует расторгать договор охраны.

Журналисты во время моего объяснения откровенно ухмылялись.

– «Вестник купечества». Господин Кеннер, мы получили множество писем от наших читателей, причём некоторые из них сами много лет занимаются торговлей зеленью. Всех интересует вопрос: объявленные цены – это ошибка или шутка? Невозможно же всерьёз рассчитывать продавать пусть даже очень вкусные фрукты в пятьдесят, а то и в сто раз дороже обычной цены.

– Эти цены не ошибка и не шутка. А насчёт невозможности продать – я как раз вижу рядом управляющего лавкой, почтенного Ярослава Сёмина. Давайте спросим его. Почтенный, вот тут купечество интересуется, как у вас идёт торговля. Не могли бы вы прокомментировать?

– К сожалению, с торговлей у нас проблема, господин Кеннер, – заявил Сёмин, листая свой блокнот, и журналисты зашумели. – И эта проблема состоит в том, что мы совершенно не в состоянии удовлетворить спрос. В частности, все запланированные поступления товара на ближайшие три дня

уже полностью выкуплены. На пятницу у нас осталось лишь немного ежевики и кое-какие овощи. Так что, уважаемые, если вы придёте к нам завтра прямо с утра, то сможете заказать что-то на пятницу, но не раньше, увы.

– Я понимаю ваше удивление, уважаемые, – решил дополнить я, – но вы не обратили внимание на один важный момент, который всё объясняет. Наши овощи и фрукты не просто вкусные, они напитаны Силой. Если человек их ест постоянно, у него улучшается самочувствие, сами собой проходят многие болезни. Особенно они полезны для дам, – я посмотрел на знакомую мне корреспондентку «Дамского взгляда». – Кожа становится эластичной, уходят морщины, улучшается фигура. Общий омолаживающий эффект может быть замечен уже через два-три месяца.

– Вы это гарантируете, господин Кеннер? – заинтересованно спросила корреспондентка. – На чём основано ваше заявление?

– Разумеется, я не могу это гарантировать, – отказался я. – Люди все разные, у них у всех разная сопротивляемость и адаптируемость, так что твёрдых гарантий здесь дать невозможно. А что касается моего заявления, то оно основано на заключении сиятельной Милославы Арди. Я полагаю, это для вас достаточно авторитетный источник?

Корреспондентка на пару секунд задумалась, а затем, потеряв всякий интерес к нашему дальнейшему общению, решительно двинулась в сторону девушек с салатиками.

* * *

Мира заглянула ко мне в кабинет.

– Господин, звонит Эрик Беров и просит соединить с вами. Вы будете с ним разговаривать?

Я с удовольствием отодвинул в сторону чудовищной толщины папку с финансовыми отчётами. Этими отчётами Зайка снабжала меня бесперебойно, как взбесившийся принтер в бухгалтерии.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.